



Модно любить можно

Анна Богданова

Самое гордое одиночество

«ЭКСМО»

2006

Богданова А. В.

Самое гордое одиночество / А. В. Богданова — «Эксмо»,
2006 — (Модно любить можно)

Свобода от личной жизни – счастье для современной женщины! В этом была твердо убеждена знаменитая писательница любовных романов Маня Корытникова, разведясь с четвертым мужем. И наслаждалась этим самым счастьем по полной программе. Тем более что ее окружали такие же свободные женщины – сестра, подруги и их матери, оставившие своих мужей и любовников. Но длилось это недолго – Маня стала встречать этих изменниц прогрессивной идее... с новыми кавалерами! Даже к матери в деревню прискакал иноземный принц с предложением руки и сердца. А знаменитая сочинительница любовных романов одна – и тоскливые мысли не дают покоя... Маня даже заболела. Но в ту самую минуту, когда даже таблетку подать некому, на пороге ее квартиры появился мужчина...

© Богданова А. В., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Анна Богданова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Богданова

Самое гордое одиночество

Автор спешит предупредить многоуважаемого читателя, что герои и события романа вымышленные.

«Мне надоело каждое утро видеть эту протокольную физиономию в зеркале!» – подумала я и решила, что спасти меня может только одно – стрижка. Нужно немедленно сменить имидж, обкорнать волосы, которые я никак не могу нормально уложить, и непременно поменять гардероб!

Недолго думая, я стянула с себя пижаму, кое-как почистила зубы, оделась и вылетела из дома. С неба тяжелыми хлопьями валил снег, я утопала в сугробах, пробираясь к ближайшей парикмахерской. Пардон – это раньше она называлась парикмахерской. В те далекие времена, когда на пенсию еще не ушел Леонид Соломонович Бесфамильный.

Помню, как впервые после долгого перерыва, лет десять назад, я вот так же решила сменить имидж. Надо сказать, подобное желание – это своеобразный индикатор. Если я покупаю ярко-розовое платье с рюшками, в котором похожа на поросенка, или трикотажный костюм цыплячьего цвета, значит, у меня критические дни. А уж если иду в парикмахерскую, то критические дни не иначе как совпали или с полнолунием, или с новолунием, или с особым расположением звезд на небосклоне.

Так вот, пришла я десять лет тому назад к Леониду Соломоновичу (судя по всему, именно в этот день звезды на небе как-то по-особенному расположились), и поскольку была суббота, кроме него, мастеров больше не было. Меня ничуть не смутил этот факт, я села в кресло и сказала:

– Режьте!

– И правильно! – поддержал меня тупейный художник. – Что за мода пошла! Все вдруг стали отращивать волосы! Все желают быть похожими на Марианну!

– На какую Марианну?

– Как на какую?! – оскорбился цирюльник. – Из сериала. Вы что, не смотрите «Богатые тоже плачут»?

– Нет. Я вообще телевизор не смотрю.

– Что ж тогда волосы отрастили, как у Вероники Кастро? – удивился он и безжалостно отхватил сантиметров двадцать.

– Не знаю я никакой Кастро, – буркнула я.

– Вам волосы ваши не нужны? – спросил он, указывая на длинные локоны, безжизненно валявшиеся на полу.

– Нет.

– И мне не нужны, – сказал он, но соврал. Месяц спустя, когда я снова пришла придать форму отросшей стрижке, в парикмахерскую влетела жена Леонида Соломоновича с куриным бульоном в термосе и принялась хвастаться своим шиньоном из натуральных волос, который ей подарил муж как раз месяц тому назад.

– Надо же, какие дуры бывают! – тараторила она. – Такой роскошной шевелюрой бросаются! К старости облысеют, и прищипандорить даже нечего будет! Вот смотрите, смотрите! – И она, отколов с затылка пышный каштановый хвост из моих волос, потрясла им у меня перед носом.

– Тамара, перестань! Прицепи хвост обратно, – приказал Бесфамильный и, вероятно, чтобы сменить щекотливую тему о моих локонах, проговорил: – Я вот свою голову никому не

доверяю стричь, – категорично заявил он, лязгая ножницами у меня над ухом, – только Томику. Да, Томик? – Я посмотрела на его голову и удивилась – стричь там было абсолютно нечего: от виска к виску тянулся седой «кант», а на темечке пробивались, словно три тоненькие травинки сквозь асфальт, три волоска. «Может, эти «три тополя на Плющихе» он доверяет Томику?!» – недоумевала я десять лет назад.

Теперь, когда опытный куафер ушел на заслуженный отдых, парикмахерская стала называться «Салоном красоты», хотя, кроме маникюра, стрижки, «химии», укладки, мелирования и подобной чепухи, никаких иных услуг там не оказывают.

Остановившись около двери, над которой красовалась вывеска «Салон красоты», я на секунду-другую засомневалась в правильности своих действий, но тут же без колебаний открыла дверь и ворвалась внутрь – у меня был неплохой повод для оправдания смены имиджа – сегодня вечером мы с подругами решили отметить старый Новый год в нашем кафе «У дядюшки Ануфрия».

Несмотря на полдесятого утра в фойе уже сидела полная женщина в нутриевой шубе и ожидала своей очереди.

– За мной еще одна дама занимала, – пробасила она. – Сейчас придет – она в булочную отошла, – объяснила женщина в нутриевой шубе и сняла норковую шляпу, под которой прятались жирные волосы подозрительного малинового цвета с псиво-русыми корнями.

Я прошла и села на самый первый стул от зала. Отсюда все было видно как на ладони.

– Девушка, вы за мной будете! – вызывающе воскликнула дама с батоном в руке.

– Да, да, я знаю, – успокоила я ее.

– А вы просто стричься или с укладкой? – спросила дама с батоном полную женщину, которая уже расстегивала нутриевую шубу.

– Я цвет обновить, да к Утке.

Уткой и сами коллеги, и клиенты величали маникюрщицу. Имени ее, кажется, не знал никто. А Уткой называли из-за врожденного дефекта – одна нога была короче другой, за счет чего маникюрщица, имени которой никто теперь уж не помнил, ходила, переваливаясь из стороны в сторону. К прозвищу своему она давно привыкла и совсем не обижалась, к тому же Уткой звали ее за глаза, а «в глаза» – Уточкой.

Нельзя не сказать о том, что Уточка была высококлассным специалистом и помимо обычного маникюра делала еще расслабляющий массаж рук, поэтому у нее никогда не переводились клиенты.

– Что ж сегодня народу-то столько?! – спросила неизвестно кого дама с батоном. – Ведь до весны-то далеко!

– Старый Новый год! Что же вы хотите?! – Полная женщина не выдержала и наконец скинула с себя нутриевую шубу. – Невозможно, какая тут у них жара!

– А по-моему, нормально, – я решила поддержать разговор.

– Это тебе, деточка, нормально! А мне чертов климакс уже десятый год покоя не дает! – посетовала она, и вдруг лицо ее стало пурпурным с голубыми прожилками на щеках. Я хотела было ее утешить, сказав, что мне, мол, тоже несладко – у меня месячные, живот болит, ПМС только прошел, расходы на прокладки, неудобства опять же, но не успела: из зала вышла старушка с ярко-алыми ногтями, и малинововолосая женщина, схватив в охапку шубу, прошла в зал и села напротив Уточки.

– Я даже не знаю, что мне делать! – отчаянно воскликнула дама с батоном. – Всегда стриглась у Вали, а она сегодня выходная. Может, волосы отрастить и вовсе не стричься?.. – Она задумалась на мгновение и, посмотрев на меня как-то подозрительно, проговорила: – Нет уж! Раз очередь заняла, никуда не уйду и вас пропускать не стану! Лучше «химию» сделаю! – Стоило ей только это сказать, как мастер Галина неимоверных размеров и со стрижкой полубокс гаркнула:

– Следующий!

Дама с батоном проскользнула в зал, я же осталась сидеть на стуле в «первом ряду» и с нескрываемым интересом наблюдать за происходящим.

Галина с необыкновенной быстротой вымыла голову даме, батон которой в полиэтиленовом пакете теперь болтался рядом с ее дубленкой на вешалке, нанесла на волосы раствор, закрутила на «костяшки», снова прошлась раствором и, нахлобучив колпак, отправила сушиться.

– Я прямо не могу сегодня спокойно работать! – воскликнула Уточка.

– Что случилось? – спросила настоящая профессионалка Галина, повернув бычью шею к маникюрщице (всем телом поворачиваться ей, наверное, было лень).

– Купила вчера кольцо с бриллиантом. Пришла домой и думаю: зачем оно мне? Вот зачем?! До сих пор не пойму! Не схвати я его – деньги б были целы!

– Вечно ты так! Плохо, что ли, ходить в кольце с брюликом?!

– Деньги я люблю! Деньги! – горячо воскликнула Уточка. – И чтоб обязательно новенькие, чтоб шуршали, скрипели, душу грели! А кольцо – что? Оно не скрипит! Галь, купи у меня его! За полцены отдам, а?

– Да оно мало мне будет! И что за манера у тебя купить, а потом продавать за полцены?!

– Люблю, чтоб в кармане шуршало! Душу мне этот звук греет, говорю же! Дочери возьми! Дочери-то в самый раз будет! – настаивала Уточка. Галина отказывалась – мол, ни к чему ни ей, ни ее дочери это кольцо, у них все есть и ничего приобретать она не намерена. Так плавно протекал разговор между дамами, как вдруг в зале раздался пронзительный визг.

Подобно сирене кареты реанимационной помощи вопила женщина с затянувшейся менопаузой.

– Что?! Что такое?! – испугалась Галина и, оторвавшись от пола, подошла к маникюрному столику. К Уточке подскочили две молодые парикмахерши и уборщица с грязной половой тряпкой в руке.

– Вы мне палец отрезали! А еще считаетесь хорошим специалистом! У-а-а-у-а-а-у! – заливалась женщина с малиновыми волосами.

Тут началась полнейшая неразбериха: кто-то побежал за йодом, кто-то за бинтами, уборщица стояла рядом и, раскрыв рот, размахивала тряпкой.

– Да что ж ты делаешь?! Утка ненормальная! Ты от нашего «Салона красоты» всех клиентов отводишь! – орала Галина.

– А ты в мое дело не лезь! Посмотри лучше, что у тебя под сушкой происходит! – закричала не своим голосом Уточка, крутя в руках кольцо, в надежде услышать от него хрустящий звук новых денег. – Подумаешь, заусенчик задела! Что ж так кричать-то!

– Надо работать, а не трепаться о кольцах и шуршиках! – в сердцах воскликнула малинововолосая женщина.

Галина словно назло Уточке упрямо не желала смотреть, что делается у нее под сушкой, – она неторопливо сложила все расчески и щетки в угол стола, долго поправляла полотенце на спинке кресла и, переминаясь с ноги на ногу, терзалась вопросом, что в действительности творится у нее под сушкой. Наконец она не выдержала и подошла к женщине, чей батон грозился вот-вот упасть с вешалки.

– Ну, и что тут у нас?! Посмотрим, посмотрим. – Голос ее был неестественно ласково-веселым. Она подняла сушку, и я увидела красное, как переваренный рак, лицо женщины, которая вместо того, чтобы уйти и уступить мне тем самым очередь, отказалась от стрижки у своего мастера и решила на подвиг – на химическую завивку. Но... Надо сказать, что ни кудрей, ни какой бы то ни было, пусть даже посредственной, скромненькой прически ей уже не грозило – Галина попыталась раскрутить «костяшки», но вместе с ними в ее руках оставались волосы героической женщины, батон которой все-таки свалился на пол.

– Что это? Где мои волосы? – ничего не понимая, спросила она, дотрагиваясь до головы. – Что это за младенческий пушок?! Я вас спрашиваю!

– Ну, передержали чуток, ничего страшного. Сейчас все сделаем. Вы только не нервничайте. Сейчас все сделаем. Садитесь в кресло.

– Да что тут можно сделать?! Приклеить на «Бустилат», что ли? – Клиентка была в шоке.

– Вы только взгляните! Какое чудо! У вас череп правильной формы, а вы всю жизнь скрывали это свое достоинство. Вы! Молодая девушка! И вам не стыдно? Да я сегодня открыла ваш стиль! Поразительная красота! Хрупкая, изысканная! Нефертити! Сколько вам лет – 25? 27?

– 42, – заикаясь, отозвалась «Нефертити».

– Да вы с этой прической скинули четверть века!

– Правда? – В душу клиентки было посеяно зерно сомнения: теперь она не знала, что и думать.

А в это время женщина с затянувшейся менопаузой и забинтованным указательным пальцем уже отсчитывала хрустящие денежные знаки Уточке за кольцо.

– С такими красивыми, музыкальными руками, как у вас, грех было бы не купить это кольцо! Просто грех! Не сомневайтесь – будете довольны! – квохтала, не помня себя от радости, маникюрщица, а я, представив, как бы меня могли обкорнать под горячую руку, пустилась наутек из «Салона красоты», от души жалея, что Леонид Соломонович ушел на заслуженный отдых.

* * *

Придя домой в одиннадцать часов, не теряя времени, я включила компьютер и сразу принялась за работу. **«После того как мой паспорт был окончательно обезображен четвертой печатью о расторжении брака, прошел месяц»**, – написала я первое предложение 4-го тома своих «Записок» (какое поразительное совпадение – 4-й развод, 4-й том «Записок»!) и вдруг вскочила из-за стола как ошпаренная. Я совершенно забыла, что через полчаса ко мне должен явиться... смех сказать! – секретарь моей бабушки!

Но нет, нет, нет! Все подробности потом!

Я заметалась по квартире, распахивая колготы, футболки, носки по ящикам и только успела выключить ноутбук, как задребезжал домофон.

– Кто? – спросила я на всякий случай (что, если там, внизу, не секретарь моей бабушки, а какой-нибудь маньяк или вор-домушник?). Сразу вспомнились захватывающие кровавые истории телевизионных криминальных хроник, которые мама с упоением любит рассказывать мне ближе к ночи. Потом почему-то в воображении нарисовался Раскольников с топором под пальто у двери старухи-процентщицы...

– Вера Петровна должна была предупредить вас! Это ее секретарь – Амур Александрович Рожков. Мне нужно немедленно переговорить с вами и очень многое выяснить! – захлебываясь, кричал Рожков мне в ухо. «Наверное, всю стенку у подъезда слюной забрызгал», – подумала я и решила вдруг не пускать этого самого Рожкова. С какой стати? Да и вообще, о чем это он так рвется со мной поговорить? Глупость какая! Но, несмотря на подобные мысли, я автоматически нажала на кнопку и тем самым зажгла ему «зеленый свет».

Через минуту я открыла дверь и увидела...

Это был маленький человечек (не больше ста пятидесяти сантиметров) лет шестидесяти пяти в клетчатом пальто с цигейковым воротником, какие года в восьмидесятих любили носить африканцы, учившиеся в Москве. Каракулеву шапку «пирожок» он держал на ладони, как нечто драгоценное, более того – как символ власти монарха – державу (это такой круглый золотой шар с короной). А голова его напомнила мне яблоко, натертое до блеска шерстя-

ной тряпкой с длинным ворсом (как часто делают продавцы на базарах для придания фрукту товарного вида), и будто ворсинки от той самой тряпки прилипли по бокам, над ушами потешными неровными овалами. Глаза живые, почти черные с огромными загибающимися, словно у коровы, ресницами, на которые можно положить спичек пять, и они не упадут, шныряют туда-сюда, вверх-вниз – да с такой быстротой, словно блох ищут и боятся упустить хоть одну. Рот, даже когда был закрыт, странно как-то шевелился – точно не вмоготу ему молчать ни секунды – такое впечатление, что каждое мгновение безмолвия для этого человека равноценно танталовым мукам (все имеется для того, чтобы говорить да говорить, – и язык, и кое-какие (пусть глупые) мысли, и зубы, только вот сказать ему постоянно кто-то или что-то мешает – то перебивают, то тишины требует обыкновенный этикет, а иной раз, может, и страх перед сильными мира сего).

– Лорик! Лорик! Ну что ты там ковыряешься?! Иди быстрее сюда!

– Мою верхнюю одежду удерживает гвоздок! – монотонно, не торопясь ответил женский голос у лифта.

– Вечно ты куда-нибудь влезешь! – Слюна бабушкиного секретаря била изо рта фонтаном – так, что капли долетали до меня.

Минуты через две «гвоздок» отпустил Лорика, и она во всей красе предстала передо мной.

– Знакомьтесь, это моя супруга и помощница по партии – Глория Евгеньевна! – снова забили брызги фонтана.

Надо заметить, жена и соратница Рожкова отличалась от мужа такой густой шевелюрой, что, казалось, ее седым, цвета черненого серебра выющимися спиральками, словно накрученными на охотничьи колбаски, волосам уж не хватало места, и они постепенно перемещались на лоб; голова ее походила на шар правильной, безукоризненной формы. Лицо Глории Евгеньевны было несколько необычным – оно выглядело слишком узким, зрачки – огромные под круглыми очками с толстыми линзами, губы (не то что у супруга – влажные, готовые в любую минуту раскрыться и толкнуть речь) смахивали на замок от чемодана.

Все эти наблюдения были произведены мной за долю секунды, и, увидев, что вместо одного непрошеного гостя передо мной стоят два, я совершенно растерялась, а потом разозлилась: появление секретаря моей бабушки еще можно было стерпеть из уважения к старушке, но его боевую подругу!.. Это уж слишком! «Вот наглость-то!» – подумала я, но «гости» бесцеремонно отстранили меня от двери и прошли в коридор.

Амур Александрович резко сбросил на стул «африканское» пальто, наступил мыском правой ноги на левую пятку ботинка, скинул его, подбросив к потолку. То же самое секретарь проделал с другим башмаком, и я обратила внимание, что задники его чебот напоминают гармошку.

– Куда можно поместить мою верхнюю одежду с головным убором? – спросила боевая подруга секретаря моей бабушки и протянула ярко-зеленую мохеровую шапку с облезлым кроличьим полушубком. – И еще... Где можно выпустить накопившуюся в почечных лоханках жидкость?

– Что? – Я окончательно растерялась, не поняв из ее последнего вопроса ровным счетом ничего.

– Туалет у вас где? В туалет она просится! – эмоционально, жестикулируя и нетерпеливо изображая в воздухе унитаз с бачком, объяснил Амур Александрович.

– Вот, – удивленно проговорила я, а у секретаря в руках будто по волшебству появился блокнот с ручкой.

– Стало быть, вы и есть Мария Алексеевна Корытникова, тридцати трех лет от роду, любовные романчики пописываете и приходите внучкой нашей всеми уважаемой Веры Пет-

ровны Сорокиной – коренной москвички восьмидесяти девяти лет, отличника народного просвещения, тыловика, заслуженного учителя России со стажем работы сорок три года...

– В интернате для умственно отсталых детей, – поспешила добавить я, но Рожков на это мое уточнение не обратил ни малейшего внимания и продолжал, напористо повторив конец последней своей фразы, для того, видимо, чтобы не сбиться:

– **Со стажем работы 43 года.** Этой достойной, исключительной женщины, каких в нашей стране остались считанные единицы!

В этот момент в туалете громко полилась вода и заглушила на минуту дифирамбы секретаря в честь моей неповторимой бабушки.

– А где можно избавиться от бактерий с моих верхних конечностей? – спросила Глория Евгеньевна, выйдя из уборной и одергивая юбку. Я вопросительно посмотрела на ее супруга, требуя расшифровки.

– Ванная! Где у вас тут ванная комната?

– Дверь рядом, – отозвалась я. Пока секретарь продолжал напевать хвалебные оды коренной москвичке и отличнице народного просвещения, я думала о том, что госпожа Рожкова обладает не только необычной внешностью, но и изъясняется крайне странно – подобно тем самым дамам из города N из бессмертной поэмы Николая Васильевича Гоголя, которые отличались необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях: «Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого». Вот и Глория Евгеньевна объяснялась аналогичным образом – может, это была привычка, выработанная в течение многолетнего самосовершенствования, может, такие завуалированные, витиеватые обороты она использовала, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего, а может, просто пережитки строгого воспитания сверхкультурных ее родителей, которые, приучая дочь так неестественно изъясняться, тем самым облагораживали великий и могучий русский язык, выметая из него бранную, непристойную лексику.

– Куда можно положить самую неприличную часть своего тела? – спросила она, выйдя из ванной.

– Задницу? – Я все больше входила во вкус самостоятельной расшифровки и опрометчиво попыталась угадать, что на сей раз имеет в виду госпожа Рожкова.

– Какой позор! – пролепетала она и покраснела, будто вышла на улицу средь бела дня в одном фартуке, забыв надеть все остальное.

– Садись в кресло! – скомандовал супруг и сам плюхнулся в соседнее. Я же положила самую неприличную часть своего тела на стул возле письменного стола и сидела, как бедная родственница. Такое впечатление, что я приехала к ним из какого-то богом забытого городишка проситься пожить у них в квартире недельку-другую.

– До нас дошли сведения, что вы, Марья Алексеевна, а также ваша мать – Полина Петровна позорите светлое имя одного из самых активных и достойных членов нашей партии – Веры Петровны Сорокиной! – проговорил Рожков так, как будто ему в рот вмонтировали душ и включили воду на полную мощность.

– Что? – опешила я.

– Да, да! Вы недавно развелись с мужем! А Влас, между прочим, достойный человек! Одно то, что он внук подруги вашей бабушки, говорит о том, что он никак не может быть плохим человеком! – Секретарь заглянул в блокнот и продолжал: – Нашей партии также доподлинно известно, что вы, потеряв всякий стыд, путались с извращенцем и сексуальным маньяком – неким Кронским – тоже бумагомарателем, который в данное время лечится от своих

извращений где-то в Бурятии! И мать ваша недавно развелась! Мало того – у нее в наличии имеется двадцать кошек! Это что ж за семейка-то такая!

– Никаких кошек у нее нет! – выпалила я. – Всех ее пушистиков по ошибке отправили в немецкий приют! Она живет в деревне Буреломы с одним-единственным котом – Рыжиком!

Рожков вычеркнул что-то у себя в блокноте.

– А эти ее связи?! То с охранником ювелирного магазина! То с каким-то немцем! Как его?! – Он силился прочесть фамилию мамино последнего поклонника, записанную в блокноте, но это ему никак не удалось. – Гюнтер, Гюнтер, Кор... Корн... Коршун...

– Корнишнауцер, – зачем-то сказала я. Вообще бабушкин секретарь с женой действовали на меня странным образом – такое впечатление, что все мое тело и мозг обкололи новокаином, я сижу в глубокой заморозке и безропотно отвечаю на его бестактные вопросы.

– Вот, вот, Корнишнауцер. – Он размашисто чиркнул в блокноте. – А зачем, позвольте узнать, она ездила в Германию? Да еще на такой длительный срок? Ей что, своей страны мало?

– Она искала кошек.

– Не понял?

– Что тут понимать! Злобная вдовица Эльвира Ананьевна, торговка из рыбной лавки, в отсутствие мамы и отчима отправила всех их кошек в немецкий приют. Вот родительница моя и поехала в Германию разыскивать своих пушистиков, но нашла одного только Рыжика, а герр Корнишнауцер помог ей – предоставил кров и даже сопровождал ее на родину.

– Помедленнее, помедленнее! Я же не самопишущая машинка! – возмутился Амур Александрович, видимо, записывая имя и отчество злобной вдовицы. – Что за особа? Где живет? Лавка ее собственная или нет? Есть ли дети? И вообще, кто она такая?

– Лавку она выкупила в крытом магазине на центральной и единственной площади райцентра, что находится в двадцати километрах от деревни Буреломы...

– Где сейчас живет ваша мать с одним котом Рыжиком? Так? Я все правильно зафиксировал?

– Правильно. У нее двое детей – Шурик и Шурочка, они вместе с ней торгуют рыбой.

– Детский труд? Это противозаконно. Тут есть над чем поработать! Но я никак не пойму, какое она имеет отношение к вам и к вашей матери?

– Какой детский труд?! – удивилась я. – Шурик – мне ровесник, его сестра на несколько лет моложе. А к нам с мамой они теперь не имеют никакого отношения. Просто Эльвира Ананьевна явилась причиной развода мамы с Николаем Ивановичем (моим отчимом). Точнее будет сказать, что измена отчима с торговкой из рыбной лавки явилась причиной их расставания.

– Ха! Разве измена – повод для расставания?! Это обыкновенный физиологический процесс! Это совершенно не оправдывает размолвки вашей матери с этим... как его... Николаем Ивановичем. Вот что мы решим, – категорично заявил он и, выдернув из внутреннего кармана пиджака носовой платок не первой свежести, смачно высморкался, после чего этим же платком протер блестящую лысину и опять спрятал его во внутренний карман. – Вы с мамашей непременно должны снова выйти замуж за своих бывших супругов, и точка! Семья – это ячейка общества, и нечего ее разрушать, пороча тем самым имя кристально чистого человека, члена нашей партии Веры Петровны Сорокиной! Нечего подмачивать репутацию, возможно, будущего нашего лидера! – Слова сыпались пулеметной очередью. – А что вы делаете сегодня вечером? Каковы ваши планы?

– Нельзя ли, промочив горло, согреть, таким образом, верхние и нижние дыхательные пути? – спросила Глория Евгеньевна, которая все это время сидела молча и пыталась скрыть колени, натягивая на них юбку.

– Ах! Лорик! Да подожди ты со своим чаем! – вспыхнул супруг и с прежней горячностью продолжил допрос, а Лорик обиженно пожала плечами. – Итак, что вы делаете сегодня вечером?

– Иду с подругами в наше кафе отмечать старый Новый год!

– Ни к чему это! Совершенно ни к чему! Я бы вам не советовал! Кстати, о подругах. Кто они? Все ли замужем? Благонадежны ли? А? Я вас спрашиваю, Мария Алексеевна!

– Благонадежны! Я с ними познакомилась, когда под стол пешком ходила!

– Поподробнее, поподробнее, – и он приготовился записывать.

– Нас четверо – я, Икки – фармацевт, заведующая проктологической аптекой (тут неподалеку), Пульхерия – гинеколог и Анжелка Поликуткина (в девичестве Огурцова) – бывшая балалаечница. У нее двое детей: Кузьма – ему три года, и Степанида – ей восемь месяцев. В наше содружество еще, правда, входил Женька Овечкин – мой сокурсник, переводчик с испанского, английского и французского языков, но после того, как они с Икки развелись, мы с ним больше не знаем!

– Как? И они тоже развелись?! – Бабушкин секретарь был возмущен до глубины души.

– Мы все развелись! – не выдержала я. – И все мамы мои подруг тоже развелись со своими мужьями! – Я вдруг почувствовала, что «заморозка» начала отходить.

– Так, значит, эта ваша Огурцова теперь одинокая мать с двумя детьми на руках?

– Нет, детей забрал ее муж Михаил. Анжела живет одна. Ее мамаша тоже одна занимает двухкомнатную квартиру, отец – Иван Петрович – ушел от жены к сватье... Собственно, все они и живут в квартире Анжелкиной свекрови: Михаил, его мать Лидия Михайловна, Анжелкин отец – Иван Петрович с Кузей и Степанидой.

– Кукушка! – выкрикнул Рожков, вероятно, в адрес Огурцовой.

– Какой позор! – воскликнула Глория Евгеньевна. Такое впечатление, что она поставила перед собой цель вытянуть юбку до пола и неуклонно шла к ней.

– Вы должны порвать все отношения с подругами! Они сбивают вас с толку, и кончится тем, что вы не только опорочите кристально чистое имя своей бабушки, но и сами окажетесь на дне! И потом, что это за имена у них какие-то странные – Икки, Пульхерия, иноземное – Анжела?! Их родителям мало было нормальных имен? Елена или Светлана?

– Вы считаете, что у вас с женой нормальные имена?! – «Новокаин» уже не оказывал своего обезболивающе-замораживающего действия.

– А чем вам не нравится имя Амур? – возмутился бабушкин секретарь. – Стрела моего покойного отца была пущена, так сказать, в самое яблочко моей матери, в результате чего на свет появился я и был назван в честь сына богини Венеры, который поспособствовал стреле, пущенной моим отцом, попасть в мишень!

– А имя вашей жены?! Оно, как и имя Анжела, – иноземное! – не отступала я.

– Отец моей супруги был пианистом, мать преподавала музыку в школе. Они оба обожали творчество Антонио Вивальди, в особенности его произведение «Глория», в честь которого, собственно, и назвали свою единственную и любимую дочь! Что тут непонятного?! Все ясно, по-моему, – вздохнул тараторил Рожков. – А вот имена ваших подруг кажутся нам с Лориком в высшей степени странными! Мы требуем объяснения! – настаивал он, хотя Лорика в данную минуту совершенно не интересовали ни имена моих подруг, ни они сами – ее юбка, уже четко обрисовывая колени, дотянулась почти до середины икр.

– Никакие они не странные! У Икки просто бабушка была рьяной коммунисткой и настояла назвать ее именно так и никак иначе.

– Не вижу никакой связи! – Амур Александрович оторвал взгляд от блокнота и быстро заморгал.

– Да что тут непонятного! Ее имя расшифровывается как Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Анжелку родители так назвали после просмотра двух серий

популярного тогда фильма об Анжелике и Жофрее. Пульхерия тоже стала жертвой пристрастия своих родителей – они у нее филологи, специалисты по творчеству Гоголя. Вероника Адамовна и Аполлинарий Модестович дали ей такое имя в честь героини гоголевской повести «Старосветские помещики».

– Ну, это все лирика! Подведем итоги...

– У меня пересохла ротовая полость! – перебила супруга Глория Евгеньевна.

– Налейте ей чаю, а то она не успокоится! – раздраженно воскликнул Амур Александрович. Я оторвала самую неприличную часть своего тела от стула и пошла на кухню. Бабушкин секретарь подпрыгнул, будто все это время сидел на пружине, сжимая ее весом своего тела, и поскакал вслед за мной, выкрикивая:

– Я говорю, настало время подвести итоги!

– Какие еще итоги? – Эта парочка начинала раздражать меня все больше.

– Общение с подругами возможно лишь в одном случае – если они последуют вашему с Полиной Петровной примеру и снова соединятся законным браком со своими мужьями. Если они будут вести нормальный образ жизни в полноценной ячейке общества!

– А кто вам сказал, что я еще раз выйду замуж за Власа? – Я оторопела от подобной наглости.

– Это дело уже решенное, – твердо проговорил он и снова высморкался.

– А кто, позвольте полюбопытствовать, это может решить, кроме меня? – спросила я, заливая пакетик бергамотового чая кипятком.

– Как – кто?! Вы меня удивляете! – зашевелились влажные губы Амура Александровича. – Вчера на партийном собрании вы у нас висели на повестке дня! – Он, в свою очередь, был так изумлен моим непониманием, что из его слов выходило, будто бы я «висела на повестке». – Все члены партии вчера битый час потратили на обсуждение вашей персоны и пришли к общему решению – вы должны опять выйти замуж и вести скромную жизнь, дабы не запятнать безупречную репутацию своей бабушки. Поверьте! – еще больше воодушевился Рожков. – Ее есть кому запятнать и помимо вас! (Я имею в виду репутацию.) Взять, к примеру, сына Веры Петровны – этого идиота Жорика! – Он расходился все больше и больше. – Это ж вообще изверг какой-то! Вчера хотели провести собрание в комнате вашей бабушки, так он со своей сожительницей Зойкой как начали орать – мол, у нас своя семья и нечего тут балаган устраивать! Пришлось всем идти к Зинаиде Петрыжкиной, что этажом ниже живет.

– Да... с Гузкой нашей Мисс Бесконечности не повезло, – задумчиво проговорила я и добавила: – Вообще с Зожорами.

– Что? Что вы такое сказали? – встрепенулся Амур Александрович: он еще больше как-то засуетился и забрызгал слюной. – Кто такая Гузка? Что за особа Мисс Бесконечность? А Зожоры? Лорик, ты что-нибудь поняла? – спросил он, но Глория Евгеньевна, которая в данный момент одной рукой продолжала тянуть юбку к полу (и надо заметить, небезуспешно), а в другой держала чашку с чаем, манерно оттопырив мизинец (промачивая, таким образом, горло и согревая верхние, а заодно и нижние дыхательные пути), будто не слышала мужниного вопроса, что вполне естественно – у нее было занятие поважнее: превратить мини-юбку в макси и при этом удержать чашку с кипятком.

– Гузкой мы с мамой называем Зою...

– Поразительно! Это ж надо, как метко, в самую точку, можно сказать, попали! – с восторгом вопил он. – Лорик! Ведь эта самая Зоя и правда напоминает жирную утиную...

– Хвостовую часть птицы, – вмешалась Глория Евгеньевна – видимо, побоялась, что супруг произнесет нечто такое, что никак не смогут выдержать ее уши.

– Совершенно верно, дорогуша. Теперь, Марья Алексеевна, соблаговолите объяснить, кто такие Зожоры? – спросил бабушкин секретарь и, распахнув свои коровьи ресницы, уставился на меня, затаив дыхание.

– Ну как кто?! Зоя с дядей Жорой! – Амур Александрович продолжал неотрывно смотреть на меня – даже моргать перестал. – Зоя плюс Жора равняется Зожоры! – «разжевала» я и по глазам тут же поняла, что он наконец-то уразумел, кто такие Зожоры. Вслед за осмысленным взглядом бабушкин секретарь закатился смехом – так, что казалось, на кафельный пол из худого мешка посыпался горох, весело подпрыгивая и звонко ударяясь, вновь подскакивал вверх. Глория Евгеньевна не поддержала заливистого смеха мужа. Я пару раз благопристойно хихикнула, но потом неожиданно для себя вдруг захохотала безудержно и неприлично – можно сказать, заржала, как лошадь.

– Хватит, Марья Лексевна, успокойтесь. – Активист пытался остановить мой нескромный откровенный приступ смеха, не ведая того, что разобрало-то меня не от слияния двух имен в одно, а самого Амура Александровича и его горохоподобного гогота. – Скажите лучше, что из себя представляет эта ваша Мисс Бесконечность?

– Что представляет? – переспросила я через смехок. – Это всеми уважаемый, кристально чистый человек. Коренная москвичка 89 лет, отличник народного просвещения, – секретарь моей бабушки все недоуменно глазел на меня – он никак не мог понять, кого я имею в виду, – тыловик, заслуженный учитель России со стажем работы 43 года в интернате для умственно отсталых детей, – активист еще не мог уловить, о ком я говорю, – Вера Петровна Сорокина.

– Что? Как? А почему Мисс Бесконечность? – Амур Александрович подскочил от удивления, а может, негодования за то, что самого почитаемого члена партии так странно называют, да не кто-нибудь, а ее собственная внучка. – Извольте объясниться! – потребовал он, снова усаживаясь в кресло.

Кто бы знал, как мне надоело всем и каждому растолковывать, почему я называю Мисс Бесконечность – Мисс Бесконечностью! Согласитесь, можно оскомину набить, повторяя, как полтора года назад, когда бабушке стукнуло 88 лет, мне, в свою очередь, в голову стукнула мысль о том, что перевернутая горизонтально восьмерка обозначает бесконечность. С тех пор коренная москвичка и отличница народного просвещения стала называться Мисс Двойной Бесконечностью, а когда полгода назад бабушке исполнилось восемьдесят девять и она окончательно переместилась в зону бесконечности, я переименовала ее в Мисс Совершенную Бесконечность.

– Не буду я ничего вам объяснять! И вообще, мне некогда, у меня мало времени, мне надо работать! – наконец-то я дала отпор нежеланным гостям, и тут же, в это самое мгновение раздался треск: Глории Евгеньевне не удалось все-таки сделать из своей юбки настоящее макси, и теперь в огромной дыре зияла ее узкая угловатая коленка в хлопковых колготах песочного цвета.

– Лорик! Ну что ты опять натворила! Зачем ты привязалась к юбке? Совсем новая юбка была! Только позавчера ее тебе Зинаида по доброте душевной отдала на вечное пользование! – вовсю брызгался Амур Александрович.

– Эта юбка повела себя крайне скверно – она не оправдала моих ожиданий!

– Да у тебя любая вещь ведет себя безобразно! – не утихал он. – На прошлой неделе ты точно так же нахлобучивала вязаную шапку, которую тебе отказала в конце осени Евдокия Павловна, и до того дотянула, что та порвалась на самой лысине!

– У меня нет лысины. Это у тебя, Мурик, открытый лоб до затылка, – возразила боевая подруга бабушкиного секретаря.

– А вам, Марья Лексевна, не следует давать родной бабушке какие бы то ни было прозвища! Вы, наверное, забыли, что уже давно не ходите под стол пешком!

– Амур Саныч! Мне некогда! Вы понимаете?! – Поражаюсь своей наглости – никогда и никому раньше бы не позволила сказать подобное. Да! Развод действует на меня потрясающе!

– Ну хорошо, хорошо, – торопливо зашевелил он губами и, направляясь в коридор, проговорил: – Мне осталось задать вам два вопроса. Всего два!

– Задавайте свои вопросы, – произнесла я вслух, а мысленно добавила: «и убирайтесь поскорее!»

– Откуда взялась ваша сестра Ада Михайловна Корытникова, она что – незаконнорожденная дочь вашей матери, кто она по профессии, замужем ли, есть ли дети, кто такая Афродита? И второй вопрос. Куда это вы сегодня намылились отмечать старый Новый год, и с каких до каких? – заработал душ. В два вопроса Рожков умудрился интонационно уместить целых восемь! Несомненно, в нем умер гениальный оратор.

– Адочка сама нашла меня несколько месяцев назад через телевизионное ток-шоу «От меня нигде не скроешься!». Она моя двоюродная сестра – дочь брата моего отца. Так что можете успокоиться – у мамы нет незаконнорожденных детей. Работает моя кузина уборщицей в овощном магазине, в настоящее время в разводе, совершенно одинока, если не считать меня и ее собаки – Афродиты. Ее отец давно приказал всем нам долго жить, а мать вышла замуж и уехала на Камчатку. Все, – выпалила я, надеясь, что после подобной тирады бабушкины гости немедленно покинут мою квартиру. Но не тут-то было!

– Ваша сестра тоже разведена?! Это просто какая-то масштабная катастрофа повальных разводов! А вы подумали о демографическом положении в нашей стране?! Или вы думаете только о себе? Эгоистки! – Амур Александрович даже подпрыгнул – то ли от негодования, то ли захотел хоть на долю секунды казаться значительно выше своего роста.

– Извините, но ваше время истекло, – сказала я.

– Я не услышал ответа на мой второй вопрос, – настойчиво проговорил бабушкин секретарь, надевая «африканское» пальто, – а именно: куда вы сегодня идете и в котором часу?

– Это вас не касается! Вы внедряетесь в мою частную, личную жизнь! – рассердилась я.

– И все-таки, – требовал Амур Александрович, втискивая ноги в ботинки с задниками-гармошками. Я поняла: Рожковы никуда не уйдут, пока не отвечу на этот вопрос, и чтобы побыстрее отвязаться от назойливой парочки, раскололась:

– В семь вечера в кафе «У дядюшки Ануфрия».

– Вот и чудненько! – вдруг обрадовался бабушкин секретарь и, торжественно положив шапку «пирожок» на ладонь, отчеканил: – Теперь мы будем постоянно с вами связаны. Миритесь с Власом. Избавляйтесь от подруг. Они вам такие непутевые не нужны. Думайте о катастрофическом демографическом положении России и пытайтесь нормализовать его, создав ячейку общества. Пойдем, Лорик! – Амур Александрович напоследок громко высморкался, а Лорик послушно последовала за мужем, вытягивая теперь облезлый кроличий полушубок, пытаясь тем самым скрыть дырку на юбке.

«Наконец-то!» – подумала я, закрыв за ними дверь, однако буквально через минуту снова задребезжал домофон.

– Кто?! – раздраженно не спросила, а крикнула я, потому что знала наверняка – это не иначе как Рожковы.

– Я это! Я! Амур Саныч! – Он опять оплевывал стену у подъезда. – Я еще раз хочу призвать вас к благоразумию! Выходите замуж за Власа и прекратите порочить кристально чистое имя самого уважаемого члена нашей партии – Веры Петровны Сорокиной!

– Счастливого пути! – пожелала я бабушкиному секретарю и повесила трубку домофона.

«Теперь точно ушли. Ну и фрукт этот Амур Саныч! Беспардонный, нетактичный, наглый, лысый кабачок!» – подумала я, еще находясь под впечатлением бесцеремонного допроса и настойчивых, не менее бесцеремонных назиданий по поводу Власа, моих подруг и нормализации демографического положения России. Но, как сказал Рожков, это все лирика. А теперь пришло самое время рассказать все по порядку.

Полтора месяца назад, на следующий день после вечеринки свободных, разведенных женщин в уютном небольшом зальчике ресторана в терракотово-бежевых тонах, где собралось все наше содружество с мамашами, а также Адочка с чудесным образом ожившей Афродитой

и Мисс Бесконечность, которая рассказала леденящую кровь придуманную историю о том, как чуть было не попала в гарем к заморскому хану, бабушка моя вступила в партию пенсионеров России, которая носит необычное, я бы даже сказала, романтическое название – партия «Золотого песка и вылетающих голубков».

А случилось это так.

Часов в 10 утра Зожоры отправились за продуктами на рынок, оставив Мисс Бесконечность наедине с самой собой. И надо же было так случиться, что именно в их отсутствие к ней зашла соседка с нижнего этажа – некая Зинаида Петрыжкина, да не одна, а в сопровождении уже известного читателю Амура Александровича Рожкова, и попросила луковицу для борща, потому что в такую мерзопакостную погоду хозяин даже собаку на улицу не выгонит. Надо сказать, что Зинаида Петрыжкина вообще выходила из дома крайне редко – эта сорокапятилетняя женщина, похожая на пересушенную на солнце серо-желтого неопределенного оттенка воблу (именно такого цвета у нее было лицо), предпочитала шататься по подъезду, подслушивать да подглядывать, а потом выводить жильцов на чистую воду. Вообще она слыла самым активным обитателем подъезда, а подъезд, в свою очередь, заменял ей все на свете – и врагов, и друзей, и улицу.

Всякий раз, когда я навещала бабушку и случайно натыкалась на Петрыжкину, она неизменно была одета в длинный халат с запахом с яркими желтыми, зелеными и красными розами, видимо, купленный на вьетнамском рынке (однажды она сделала исключение и все же покинула границы подъезда), и тапочки с массивными бульдожьими рожами. Халат то и дело распахивался, так как рассчитан на миниатюрных вьетнамок, обнажая жилистые ноги Петрыжкиной; а волосы отчего-то всегда накручены на четыре больших бигуди – у меня сложилось такое впечатление, что эта женщина постоянно куда-то собирается, но когда я увидела ее в третий раз в халате и с четырьмя бигуди на голове, меня вдруг осенило: она никуда не собирается – просто у нее такая прическа!

Именно Петрыжкиной Зожоры стали оставлять ключи, когда уезжали на все лето на дачу, после того как бабушка два раза чуть было не спалила квартиру, оставив чайник на включенной на всю мощность электрической конфорке. Второй раз был совсем критическим: потолок в кухне почернел, и тут терпение «сыночка» лопнуло, он не выдержал и отдал ключи Зинаиде – самой активной обитательнице подъезда.

Луковицу Мисс Бесконечность дала – мало того, она пригласила соседку с Амуром Александровичем к себе в комнату и через десять минут настолько очаровала Рожкова своими меткими афористическими фразами, что тот сразу же предложил вступить старушке в партию «Золотого песка и вылетающих голубков». Название бабушке понравилось, и она, не задумываясь, согласилась.

Тут непременно надо заметить, что после болезненного разрыва Мисс Бесконечности с искусственным осеменителем коров – Панкратом Захаровичем, после их ночного побега из Москвы в родную деревню зоотехника – Хрячкино, буквально принудительное вызволение старушки нами с Власом обратно в столицу подействовало на нее престранным образом. Сначала она дулась на меня и не разговаривала, демонстративно швыряя трубки. Видно, сердечная рана еще не успела затянуться, а в памяти свежи воспоминания о романтических посиделках на лестнице между квартирами Мисс Бесконечности и Оглобли (дочери Панкрата Захарыча, к которой он изредка приезжал посторожить квартиру во время ее отпуска). Она не забыла еще, как в 88 лет снова почувствовала себя четырнадцатилетней Джульеттой, как сидела в шелковой сексапильной сорочке и соблазняла Ромео семидесяти девяти лет, неприлично оголив морщинистые плечи и дряблые руки, как причесалась специально для него, лихо заколов с двух сторон серебристо-седые волосы ядовито-розовыми прищепками для белья. Старушка еще хранила в памяти и серенады, которые зоотехник страстно пел рано утром под ее балко-

ном, аккомпанируя себе на гармошке, а она кокетливо махала ему носовым платком, облокотившись на перила, и подготовку к свадьбе...

Но вдруг после придуманной истории о ее похищении якобы для украшения гарема иноземного хана на вечеринке свободных женщин настроение отличника народного просвещения резко переменилось. Вернее будет сказать, не настроение, а отношение как к своему бывшему возлюбленному Панкратке, так и к противоположенному полу в целом. Я думаю, произошло это из-за той враждебной атмосферы ко всем подряд мужчинам, что царила среди разведенных женщин полтора месяца назад в уютном зальчике в терракотово-бежевых тонах. Бабушка быстро сориентировалась и почувствовала себя одной из нас – оскорбленной, разведенной и совершенно свободной от каких бы то ни было обязательств перед любым представителем мужского пола – будь то Панкратка или ее новый ухажер все из той же деревни Хрячкино – Василий. Теперь она не должна отчитываться, где была, не должна, как сама выразилась на банкете, «стирать тухлые Панкраткины носки в корыте с холодной водой»... Одним словом, Мисс Бесконечность после бурного романа с зоотехником почувствовала, познала даже, что такое свобода и что значит быть не связанной ни с кем любовными узами. Поняла она, что это ей совершенно ни к чему, не по ней это, и отдалась новой страсти, которая заключалась в коллекционировании афоризмов. Любую понравившуюся услышанную фразу она теперь немедленно заносит в тетрадь, по ночам разучивает пополнившуюся за день сокровищницу крылатых выражений, а утром нормально не говорит, а отвечает глубокомысленными чужими изречениями. Если на заданный вопрос в ее «золотом фонде» нет подходящего ответа, она попросту молчит, поджав губы, или тяжело вздыхает. Вот вчера взять – звонит, я ее спрашиваю:

– Как Жорик твой любимый поживает? – Она молчит – ни одной мудрой реплики в ее словесном арсенале нет по этому поводу. – Ты почему не отвечаешь? – спрашиваю я. Интересно, как она выкрутится из этого положения посредством собственного лексикона?

– Я говорю молчанием! – весомо сказала она, но тут же нашлась: – Круче Жорика только яйца! – и бросила трубку.

Однако вернусь к визиту Зинаиды Петрыжкиной и господина Рожкова к бабушке под предлогом «луковки в долг» и попытаюсь рассказать о партии «Золотого песка и вылетающих голубков». Как потом оказалось, несмотря на то, что партия эта пенсионерская и принимали в ее ряды только тех, кто вышел на заслуженный отдых, была совсем еще молода – «семи месяцев от создания», и входило в нее всего 14 человек вместе с супругами Рожковыми и Зинаидой Петрыжкиной. Лидером данной организации является Нерон Павлович Тригубов шестидесяти шести лет, деспот и самодур, который держит в кулаке всех членов «Золотого песка». Настоящее его имя – Неон, но Тригубов самолично вставил в середину букву «р», чтобы добиться наибольшего сходства со своим кумиром – римским императором Нероном. Для достижения этой цели он еженедельно посещал бега, утверждая, что его страсть к скачкам столь же безмерна, как у великого цезаря. Примером для лидера пенсионерской партии были не только скачки, но также наглость, распущенность и жестокость объекта его восторженного обожания и поклонения. Как-то он проговорился, что хочет поджечь дом своего соседа по даче, в точности, как его тезка спалил Рим.

– А пока ничтожный домишко будет полыхать, я стану читать стихи собственного сочинения, – с упоением говаривал он.

Хоть лидер был явно не в себе, у партии были намечены на будущее четкая цель и разнообразные программы для ее достижения. Цель звучит приблизительно так: «Спасти и восстановить Россию!» От кого именно 14 человек собирались спасать родину-мать, точно сказать не могу, как и не могу сказать, до какой степени они собрались ее восстанавливать. Но лозунг, на мой взгляд, возвышенный и благородный, хоть и несколько пространный.

– Россию надо восстанавливать! – горячо, захлебываясь, говорил Амур Александрович бабушке в первую их встречу. – Это что ж творится! Вы только посмотрите на нашу молодежь!

Она не стремится ни к чему хорошему! Демографическое положение катастрофично! Никто не хочет рожать – все отказываются! А образование?! Оно в упадке, как и текстильная промышленность! А куда делись с улиц города автоматы с газированной водой за одну и три копейки?! Скажите, кому они мешали? А эти платные туалеты по десять, а то и пятнадцать рублей! Беспредел! Кругом беспредел! – на что Мисс Бесконечность многозначительно ответила:

– Люби свое корыто, даже если оно разбито!

– Какая умная, глубокая мысль! Вы просто прелесть, Вера Петровна! – пришел в восторг Рожков и снова затараторил о безобразиях в стране. Говорил он долго, горячо и, если верить бабушке, истово. Когда же Амур Александрович закончил, старушка не менее истово воскликнула на всю квартиру:

– Освободим страну от злокачественной опухоли! – После сей реплики отличнику народного просвещения России было незамедлительно предложено вступить в партию «Золотого песка».

На следующий день в квартире этажом ниже бабушка была торжественно принята в ряды партии пенсионеров, став 15-м ее достойным членом. А через день с 15-го места она перепрыгнула на второе и уже конкурировала с самим Нероном Павловичом Тригуновым. Она сразу проявила себя с самой лучшей стороны, выдвинув пару свежих лозунгов, и товарищи по партии решили между собой сместить нынешнего лидера, а на его место поставить наимудрейшую и справедливейшую Мисс Бесконечность. Так, еще через день соратники по общему делу прикрепили к ней секретаря в лице Амура Александровича, который с утра до глубокого вечера сидел рядом со старушкой и записывал все, что та говорила, несмотря на косые взгляды Гузки и злобные выкрики со стороны Жорика.

Именно по причине того, что Мисс Совершенная Бесконечность в скором времени должна стать главой партии, чета Рожковых и заявила ко мне сегодня с утра, засыпая меня в течение двух часов бестактными вопросами и направляя на путь истинный. И все это для того, чтобы у будущего лидера была безупречная репутация со всех сторон – даже со стороны подруг ее внучки.

Если быть немногословной, то именно таким образом развивались события в бабушкиной жизни после расставания с Панкратом Захаровичем.

* * *

Что же касается остальных свободных женщин, то тут можно сказать только одно – мы до сих пор ощущаем эйфорию после развода, причем все без исключения, – эйфорию, тонко и нераздельно связанную с ненавистью к противоположенному полу, которая у каждой из нас выражается по-разному.

Мне ничего не остается, как уничтожать особей мужеского пола морально, так сказать, пером. Под сильным давлением своего редактора Любочки я пытаюсь начать новый любовный роман, но никак не получается переключиться на него с «Записок». Неделю назад она позволила мне и похвалила за оперативную работу:

– Молодец, Маня! За три месяца два романа – очень неплохой результат! Значит, все-таки можешь, когда захочешь! – прогремела она в трубку и настоятельно порекомендовала мне писать параллельно два романа – 4-й том «Записок» и какой-нибудь нежный, женский и романтический (Любочка так и выразилась тогда – «нежный, женский и романтический»).

Бедняжка, она не подозревает, какой план созрел в моей голове после развода! Ведь все темы я, кажется, уже осветила в своем творчестве – поведала читателю обо всем, о чем может поведать тридцатитрехлетняя женщина: и тему страстной любви закомплексованной девушки из автомеханического техникума к зрелому мужчине в «Убийстве на рассвете», и тему неземной любви, предательства и измены, также раскрыла образ рокового мужчины в одноименном

романе, и о неоправданных надеждах все было мною написано, и о прелестях любви в летнее время года. Даже деревенскую тему затронула, создав трогательную пасторальную историю любви пастуха и птичницы в последнем своем творении, которое, надо заметить, Любочке очень понравилось, и она дала ему зажигательное название – «Секс на сенокосе».

Но теперь, после расставания с Власом, я не могла изобразить ничего нежного и романтического. Я как писатель считаю своим долгом раскрыть поганую натуру каждого мужчины, потому что каждый представитель сильного пола – или собственник, или изменник, или эгоист, или не знает, чего хочет, или ревнивый маньяк. Впрочем, если уж говорить, положи руку на сердце, то любая особь мужского пола и состоит из всего этого перечисленного...

Нет, Любочка, не получится у меня «нежного, женского и романтического» текста – напротив, у меня выйдет леденящий кровь триллер о муже-маньяке, который, ревнуя ко всем свою честнейшую и добрейшую жену, запирает ее на все замки в четырех стенах своей квартиры, уходя на работу, и отпирает только глубоким вечером, приходя домой. Он укорял ее за то, что она разбрасывала по квартире свои вещи, вытиралась его полотенцем и загибала странички книг из его библиотеки. Героя, вернее, монстра, деспота и тирана будут звать Стасом, а героиню – Марфой, Марфушенькой. Именно такой план романа созрел в моей бедной, «разведенной» голове, и именно так я смогу отомстить всем мужикам и рассказать о них правду наивным, милым женщинам! И никто не сможет помешать мне в этом! Никто не сумеет остановить мысль мою и перо мое праведное!

Если говорить о моей маме, то после развода с Николаем Ивановичем, как уже было сказано выше, она поселилась в деревне Буреломы с единственно найденным на чужбине и привезенным на свою историческую родину котом Рыжином.

Кстати, перед отъездом она наконец-то купила себе мобильный телефон. Николай Иванович всегда выступал против каких бы то ни было нововведений и сумел внушить маме, что сотовая связь – это полнейшая чепуха, потому что без провода и розетки никакой телефон работать не может. На вопрос о том, каким же образом переговаривается вся страна (что страна! весь мир!) посредством этакой непрочной связи, отчим уверенно отвечал:

– Они не разговаривают, а токо вид создают! Мода, видите ли, такая – трубку около уха на ходу держать! У нас же все с апломбом!

После разрыва с мужем родительница моя вдруг поверила в то, что телефоны могут работать без проводов, и потащила меня на компьютерный рынок выбирать себе средство связи.

– Мне не нужен дорогой! – доказывала она очередному продавцу, – Мне нужен новый, дешевый и чтоб работал! Я живу в 360 километрах от Москвы, в деревне, в полном одиночестве, и иной раз хочется позвонить кому-нибудь, потрекать. Оттуда будут долетать мои звонки? – Она, помню, так и выразилась: «потрекать» и «долетать».

– Купите антенну. Это дешево. И сможете без проблем разговаривать из любой точки своей деревни, – посоветовал торговец телефонами.

– Значит, и вся деревня за мой счет будет без проблем ласы точить?! – тут же смекнула она. – И Валька будет не на заборе висеть, чтоб до своего Ленока дозвониться, а лежа в кровати, вальяжно так, его номер набирать, и Жопова из свинарника своего сможет теперь дочери трезвонить, а не ездить в райцентр каждую неделю!.. – призадумалась мамаша, вспомнив о ненавистных соседях деревни Буреломы.

– А вы с них деньги берите – вы ведь будете, так сказать, провайдером.

– С них возьмешь! – злобно отозвалась она и твердо сказала: – Не нужна мне никакая антенна! Лучше на заборе повисю! Или повишу? Маш, как правильно-то?

– Правильно купить антенну.

– Вот! – И она, показав мне кукиш, приобрела мобильник, наотрез отказавшись стать главным и единственным провайдером деревни.

Пока родительница моя ехала в электричке по направлению к Буреломам, она позвонила мне раз восемь:

– Маня, как дела? Это я, твоя мама! – в восторге кричала она – все ее сомнения по поводу того, что телефон никак не может работать без провода и розетки, были окончательно развеяны. – Проезжаю Ложки! Красота-то какая! Жаль, что тебя нет рядом! Деревья все в снегу! Как в сказке! Даже в электричке чувствую – воздух другой, свежий, чистый, не то что в Москве – загазованный! Ну все, пока! Конец связи!

Минут через десять мой мобильник снова, рыча, подпрыгивал на столе.

– Маня, это я! Что нового? А я Чашки проехала! – радостно кричала она мне в ухо.

Но где-то предположительно в Вилках звонок ее хоть и «долетел», однако связь то и дело прерывалась – я лишь сумела разобрать: «Заплати за телефон. У меня на счете остался доллар». Это был последний звонок. С тех пор мамаша дозвониться до меня так и не смогла, зато написала письмо к Рождеству, в котором подробно изложила, как она, избавленная от общества старого развратника и изменщика, наслаждается зимними, занесенными снегом полями, белым безмолвием, полным спокойствием и безмятежностью:

«Любимая моя свободная и счастливая доча! Моя единственная кровинушка и родственная душа! Дорогой мой человек!

(С ужасом вспоминаю то время, когда я пыталась, прилагая все усилия, выдать тебя замуж за порядочного человека! Прости мать свою! Мать твоя была дурой! Порядочных молодых (как, впрочем, и немолодых) людей нет! Перевелись все! Вымерли, как мамонты! Пали смертью храбрых на поле битвы еще в 1812 году, остатки – в революцию, а уж последняя горстка порядочных мужчин (то бишь настоящих!) в Великую Отечественную полегла!)

О себе могу сказать, что наконец-то избавлена от готовки борщей, супов и щей на мясном бульоне, хождения по продовольственным магазинам в поисках дешевой крупы и вонючих сигарет, от стирки трико и семейных трусов в горошек! Наконец-то я делаю, что хочу, а именно – отдыхаю и наслаждаюсь жизнью! Наконец-то у меня появилась возможность смотреть по телевизору то, что я хочу, а не эти тупые боевики с мордобитием, которые так любил твой бывший отчим! Наконец-то я сама себе хозяйка! Даже человеком себя почувствовала, чего не случалось вот уж как лет 10, а то и того больше!» и т.д. и т.п.

«P.S. Нужно было все-таки купить эту чертову антенну! Ты представить себе не можешь, Машенька, откуда я тебе только не звонила! И на заборе висела – видимо, там только летом берет, и со второго этажа, и с чердака пробовала. Все без толку! А вчера до того дошла, что затащила на балкон стремянку, взобралась на нее – уж думаю, отсюда-то точно звонок мой долетит, да чуть вместе с балконом вниз не полетела: слышу, треснуло подо мной что-то (душа аж в пятки переместилась), ну я, конечно, слезла, балкон закрыла и ни ногой теперь туда! Чего ж удивляться, что все на соплях?! Кто строил-то?! Ленюк-бездельник по плану пустоголового твоего отчима!»

Она действительно стала сама себе хозяйка, избавившись сначала (правда, не по собственной воле) от девятнадцати кошек, а потом от неверного мужа – Николая Ивановича, и могла в любой момент, посадив Рыжика в переноску, прикатить в Москву, чего доселе было никак невозможно – казалось фантастикой и несбыточной мечтой.

Так, около двух недель тому назад (еще до покупки телефона), а именно 31 декабря в два часа пополудни мамаша предстала передо мной в норковой шубе с бобровым воротником и переноской в руке и весело сказала:

– А я Новый год приехала встречать!

Впрочем, о том, как мы встретили Новый год, речь пойдет чуть позже. Излагать нужно все по порядку, а то немудрено и запутаться. Итак, родительница моя в настоящий период абсолютно счастлива и упивается вольной своей жизнью в обществе бессловесного, обожаемого Рыжика.

Относительно Икки и ее матери можно сказать, что они тоже пребывают в состоянии крайнего блаженства, чувствуя каждой клеточкой своего тела освобождение от «мужичьего ига», как выразилась Икки на вечеринке разведенных женщин в уютном зальчике ресторана в терракотово-бежевых тонах. Людмиле Александровне теперь не нужно готовить по утрам ненавистный омлет – она просто раскалывает пару яиц на сковородку и, быстро проглотив глазунью, мчится в телецентр на съемку ток-шоу «От меня нигде не скроешься!», где за последнее время стала настоящей звездой. Она то и дело ищет и находит свекровей своих бывших мужей, которые якобы, оставив ей «в подарок» ребенка, исчезали самым что ни на есть таинственным образом. На передаче отыскивались не только свекрови бывших мужей, но также и сами бывшие мужья, после чего их стыдили как ведущие, так и весь зрительный зал: «Невозможно! Оставить собственное дитя на руках хрупкой, молоденькой, несмышленной девушки?! Стыд и позор!» – поражались одни. «За такие дела в тюрьму сажать нужно!» – с пеной у рта кричали другие. Все шишки доставались нерадивым и безответственным отцам, а свекрови будто бы все это время находились в полном неведении, что у них вообще есть внуки. Одна подставная свекровь так вошла в роль, что чуть было до смерти не избила псевдосына – когда дело дошло до ударов микрофоном по голове и возгласов: «Я тебя, изверга, породила, я тебя и убью!», к ней из-за кулис вылетели два здоровяка и волоком утащили со сцены. Такова была месть Людмилы Александровны Моторкиной не только своему бывшему мужу – Роблену Ивановичу. Это был вызов всему противоположенному полу.

Икки тоже не отставала от матери и сводила счеты с так называемым сильным полом по-своему. Особенное удовольствие ей доставляло, когда в проктологической аптеке, что расположена недалеко от наших с Икки домов (здесь нужно непременно упомянуть, что после того как Аркадий Серапионович Эбатов (бывший поклонник Пульхерии), оформил все документы касательно аптеки на Икки, рассчитывая этим широким жестом вернуть к себе Пулькино расположение, медицинское заведение вместо старого названия «Эбатов и К^о» стало называться «Моторкина и С^о», где буква «С^о» символизировала наше содружество), выстраивалась длинная очередь за приготовленными ректальными свечами. Именно в этот момент Икки сама вставала за прилавком и отпускала лекарственную форму, громко объясняя (исключительно мужчинам) все подробности того, куда вводить суппозиторию, каким образом, на какую глубину и в какой именно позе. Женщины в очереди покатывались со смеху – мужчины краснели до корней волос и молча выслушивали дотошного фармацевта, такое впечатление, что они в эту минуту теряли дар речи или язык прилип к небу так, как прилипает, если пройти им в сорокаградусный мороз по чугунным перилам. Таким своеобразным способом Икки сводила счеты с Овечиным, вымещая на бывшем муже злость на все мужское население, которое нуждалось в ректальных свечах, изготавливаемых в ее аптеке.

Пулька тоже использовала свое служебное положение, дабы доказать всем женщинам гинекологического отделения, заместителем заведующего которого она являлась, с какими подонками, лицемерами и обманщиками живут ее пациентки.

– Я раскрываю глаза этим несчастным бедняжкам! – доказывала она, патетично ударяя себя кулаком в грудь.

А раскрывала глаза она следующим образом. Если даже какой-нибудь бедняжке был поставлен диагноз воспаление придатков, Пулька вызывала любящего супруга болящей к себе в кабинет и тоном, не терпящим возражения, заявляла:

– Вы, голубчик, в курсе, что у вашей жены воспаление яичников (то бишь придатков в простонародье) случилось по вашей вине? Что она валяется тут и героически сносит уколы

три раза на дно, грелки со льдом на животе и тампоны с мазью Вишневского исключительно из-за вас?

– Позвольте! Но я-то тут при чем?! – растерянно вопрошал муж бедняжки.

– Очень даже при чем, очень даже при чем! Кто ж, как не вы, «при сем»?

– Так она упиалась до невменяемости и посреди октября решила искупаться в неглиже! Да еще в грязном каком-то подмосковном пруду с застоялой водой!

– Этот факт только усугубляет вашу вину. А вы задумались, отчего она упиалась до невменяемости? – спрашивала она и тут же сама отвечала: – Чтоб забыться! Чтобы не реагировать на действительность, а хоть вечер побыть в ирреальности! Чтоб вашу, пардон, рожу один вечер не видеть! Она предпочла мутный грязный пруд вашему гнусному обществу! Вот до чего вы довели жену! И вы еще себя не чувствуете виноватым?! Поразительно!

После эдакого разговора с заместителем заведующего гинекологическим отделением муж бедняжки действительно начинал сомневаться – не его ли вина в том, что супруге приспичило прыгнуть рыбкой в поросший трясинкой пруд посреди октября.

У Пульки существовало еще немало способов разоблачения и выведения негодников на чистую воду. И делала она это с таким рвением и даже азартом – такое впечатление, что не Аркадий Серапионович изменил ей со своей старой тощей одноклассницей, а все те мужчины, что приходили к своим болящим женам и подругам в гинекологическое отделение.

Мать ее, гоголеведка Вероника Адамовна, выгнав из дома Аполлинарий Модестович Дерюгина (тоже гоголеведа) и швырнув в него при разводе фальшивое ребро, добыть которое стоило Пулькиному отцу немалых усилий и материальных затрат (а именно съездить в Кишковерстск, дать крупную взятку заведующему краеведческого музея и получить ребро под расписку на месяц, которое кишковерстцы считали вовсе не ребром Гоголя, а ребром основателя своего родного города – какого-то польского пана), казалось, успокоилась на этом и всецело отдалась поиску настоящего, подлинного ребра великого русского писателя. Этим ограничилось ее мщение мужескому полу.

Мать с дочерью Огурцовы-Поликуткины просто блаженствовали, живя в разных квартирах. К тому же Анжелке по праздникам и выходным разрешили встречаться с детьми и стали даже отпускать с ней Кузьму на день-два. Однако на Новый год Кузю ей не отдали, и праздник для хватившей лишку Поликуткиной (в девичестве Огурцовой) закончился около двух часов ночи, когда все мы, свободные женщины, высыпали на улицу пускать петарды и играть в снежки.

– Сектанты проклятые! Поганое гнездо адвентистов! Какое они имели право отнять у родной матери ее детей! Это я их в муках рожала, а не они! – кричала Огурцова с пьяными слезами на глазах, а все мамыши членов нашего содружества, тоже уже разгоряченные, поверили в эти винные брызги и бросились ее утешать.

– Ничего, Анжевочка, еще наодифь, – уговаривала ее Пулькина мамаша, как обычно произнося вместо «ш» – «ф», а «р» пропуская вовсе, – и мужики дья этого не нужны вовсе! Зачнефь чейез пообийку!

– Так и не дали мне у Кузи ни одного таланта отыскать! – выла Огурцова, а я вспомнила то ужасное для Кузьмы время, когда Анжелка, записав его в два с половиной года во все детские районные спортивные секции (вплоть до баскетбольной), а также в художественную студию, что находится в подвале ее соседнего дома, на «музыку» в ближайшую школу, на балльные танцы и верховую езду на пони, довела ребенка до нервного истощения, после чего тот пролежал больше месяца в больнице, за что, собственно, ее и порывался лишить материнских прав бывший муж-адвентист – чернобровый детина Михаил. Проще будет сказать – за жестокое обращение с детьми. Однако после развода сменил гнев на милость и разрешил ей даже видиться с отпрысками раз в неделю.

– И правильно! – поддержала Веронику Адамовну моя родительница, а Адочка, беря Афродиту на руки, заговорила своим пронзительным голосом – словно стальную дребезжащую пластинку в мозги вставили:

– Зачем эти дети-то нужны! Зачем они нужны! Зачем! Визжат, кричат, писаются! Никакого покоя! Покоя никакого! – У моей кухни особая манера говорить – без остановки, повторяя одно и то же слово или словосочетание по несколько раз, как заезженная пластинка. – Вечно им что-то надо! Вечно они чего-то требуют! Никакой тишины! Тишины никакой! Ты вроде, Ангела, творческий человек. Человек творческий! На балалайке играешь! Тебе, как и мне, тишина нужна! Тишина! Какие дети! Дети какие-то! – наконец-то заключила она, сжав от раздражения свои пухлые африканские губы без контура так, что они стали похожи на маленький поросячий пятачок.

Адочка, хоть и работала уборщицей в овощном магазине, в душе чувствовала себя творческим человеком. Если быть точной – великим модельером всех времен и народов: всю одежду, вплоть до обуви, как себе, так и Афродите, переделанной из болонки в йоркширского терьера с помощью стрижки и ежемесячного окрашивания животного хной, кухня моя делала своими руками. Она и по случаю Нового года сотворила себе эксклюзивный костюм снегурочки: поверх старого, вытертого светло-серого зимнего пальто Адочка надела будто сплетенную паутину – нечто вроде бледно-голубого платья; тоненькие ножки ее обтягивали вязаные рейтузы того же цвета, под коленками болталась голубая вязаная сумка-сарделька, где (не сомневаюсь) лежал хвойный освежитель воздуха, который выполнял две функции: использовался как духи и как средство самозащиты (зачастую она оборонялась, неожиданно брызгая обидчику в глаза аэрозолем). Вот только головной убор ее несколько не соответствовал образу внучки Деда Мороза, а напоминал колпак Санта-Клауса, но не красного, а небесного цвета.

Здесь самое время вернуться к теме мщения свободных женщин противоположному полу. Замечу, что никто из нас не пламенел сим чувством так ретиво, как Адочка. Она намеренно причиняла зло совершенно незнакомым мужчинам с целью расплатиться за все сразу. И за свой неудачный брак с мужчиной небольшого роста с огромным пивным животом, имени которого я до сих пор так и не знаю. И за свою недавнюю любовь к обманувшему ее Шурику (сыну той самой злобной вдовицы Эльвиры Ананьевны, что стала причиной развода родительницы моей с Николаем Ивановичем и которая упекла, якобы по ошибке, всех их кошек в немецкий приют). И за безобразное, пренебрежительное отношение к ней ее начальника – директора овощного магазина, который нарочно дует (по словам Адочки) мимо унитаза и заставляет ее по три раза на дню мыть пол в туалете...

Кухня в своей расплате немногословна, больше действует, не то что мы – пером, словом и воспитательными мерами...

Как-то около месяца назад она попросила меня съездить с ней вместе в магазин пряжи и выбрать цвет ниток (к Новому году сестрица решила связать мне длинный-предлинный шарф, похожий на нескончаемую змею). Поначалу все было вроде бы нормально – Адочка, перекрикивая шум машин и по несколько раз повторяя одно и то же слово, рассказывала о подонке Васюкове – директоре овощного магазина, но стоило нам только попасть в метро, где народ сновал взад-вперед в огромном количестве, где все брыкались, чертыхались и толкались, сестрица принялась осознанно и со всей силы отдавливать ноги представителям противоположенного пола. Мало того – она активно работала локтями и пихалась спортивной сумкой, взятой специально по случаю поездки за шерстью.

Войдя в вагон, в страшной суете я нечаянно наступила на ногу средних лет мужчине, на что тот слишком бурно отреагировал:

– Нужно смотреть, куда ходули ставишь! У меня мозоль на пальце, а ты прямо на нее попала своей ножицей! – закричал он на меня.

– Извините, пожалуйста, я не хотела... – промямлила я.

– Мозоль? Мозоль? – встрянула кузина. – А грибка нет? Нет грибка? – Тот недоуменно глядел на нее. На минуту немолодой мужчина с мозолью на пальце даже растерялся. – Жаль, Маша, ты ему на одну только ногу наступила! Жаль! Но это ничего! Ничего! Сейчас я быстро исправлю ситуацию. Быстро! – И Адочка наступила на его вторую ногу. – Надо было еще локтем под дых долбануть! Под дых! И сумкой по башке со всего размаху! Вот так! Вот так! – продемонстрировала мне она все, что я должна была проделать с немолодым мужчиной с мозолью на пальце. Тут поезд остановился. Кузина с невероятной быстротой достала из маленькой сумки-сардельки хвойный освежитель воздуха, пшикнула пару раз ему в глаза и, схватив меня за руку, выдернула из переполненного вагона на перрон. – Вот как с ними надо! А ты стоишь и слушаешь его дурь! Дурь его слушаешь и еще прощение просишь! Прощенье еще просить у такого ка-азла! – Особенно смачно она произнесла тогда слово «ка-азел», но после той поездки в метро я стала опасаться перемещаться по городу с кузиной в общественном транспорте, потому что понимала – ничем хорошим ее действенная и пламенная месть не кончится.

Но вернусь к Новому году.

Огурцова уже не слышала эмоциональной Адочкиной речи – ее ноги устали держать отяжелевшее пьяное тело, подкосились, и кончилось тем, что Анжелка плюхнулась в сугроб и захрапела, забыв о так и не выявленных талантах Кузьмы – подруге нашей уже снился волшебный новогодний сон. На том праздник был завершен.

А в целом мы очень неплохо встретили этот Новый год. Сначала собрались дома у гоголеведов – выпили, закусили, потом пошли к нам – у нас снова закусили и выпили, засим к звезде телеэкрана и заведующей проктологической аптекой, а в конце отволокли спящую мать двоих детей до квартиры Нины Геннадьевны Огурцовой и разошлись по домам. Адочка в ту ночь осталась у нас.

Через день родительница моя, подхватив переноску с Рыжиком и с гордостью положив в сумочку мобильный телефон, отчалила в деревню Буреломы, строго-настрого наказав напоследок не связываться с кобелями (она так и выразилась – не связывайся, мол, ни с какими кобелями!), пообещав звонить мне каждый день и регулярно писать письма с подробным изложением тихой, счастливой и свободной жизни своей.

Несомненно, этот Новый год я встретила во стократ лучше прошлого, как и предрекала Пулька. Она, бесспорно, права, когда говорит, что с мужиками, в особенности на праздники, лучше не повязываться – кончится тем, что будешь сидеть в одиночестве и реветь белугой от обиды и несправедливости. Никогда не забуду встречу прошлого Нового года. Как перед боем курантов раскрываются двери лифта и я вижу Кронского с жирной, вульгарной, крашеной блондинкой с черными, отросшими волосами у корней в недвусмысленной позе... И как потом я пешком плелась под хлопки петард до своего дома.

К тому же всех нас – свободных, разведенных женщин, решивших справиться этот Новый год вместе, объединяло совершенно одинаковое, если можно так выразиться, настроение или состояние духа. Все мы вплоть до «йоркширской терьерши» Афродиты, которая, по словам Адочки, никогда с кобелями не связывалась и до сих пор хранит девственность, испытываем чувство гордого одиночества – именно *гордого* – подобного тому, какое бедный, униженный и оскорбленный человек ощущает. По мнению великого нашего пророка Федора Михайловича Достоевского, человек, обиженный обществом и судьбой, горд своей бедностью и наслаждается этим своим социальным положением. Так, собственно, и мы упиваемся наступившим в нашей жизни одиночеством и гордимся им.

Дзз!... Д-зззззз-дз-дз! Я вздрогнула от неожиданности – проклятый телефон!

– Да! Але! – крикнула я в трубку.

– Манечка, здравствуй, детка! Мы с тобой сегодня еще не разговаривали? – сахарным голосом проговорила бабушка.

– Нет, с тобой я еще сегодня не разговаривала, зато уже вдоволь успела наговориться с твоим наглым секретарем и его супругой, которые суют свои длинные носы в чужие дела! – Я попыталась выразить недовольство по случаю нахального внедрения в мою частную жизнь четы Рожковых.

– Сан Амурович был у тебя?

– И Сан Глориевич тоже, – съязвила я.

– Какой еще Глориевич? – Голос Мисс Бесконечности мгновенно переменялся: из елейного – в обыкновенный, повседневный – властный и командный (43 года работы с умственно отсталыми детьми до сих пор давали о себе знать).

– Твой секретарь с женой! Какие бестактные, наглые, беспардонные! Нет, это ж надо – я обязана снова выйти замуж за Власа! За этого параноидального ревнивца! Который со дня развода мне ни разу не позвонил! Что они себе позволяют?! Все им, видите ли, знать надо! – возмущалась я.

– Не тот глуп, кто не знает, а тот, кто не хочет знать! – метнула бабушка выученным за ночь афоризмом.

– Я с тобой серьезно разговариваю! – угрожающе проговорила я.

– Ты слишком серьезна, а умное лицо – это еще не признак ума. Все глупости в мире делаются именно с этим выражением лица, – резала Мисс Бесконечность.

– Прекрати выражаться чужими фразами! – вспыхнула я. – Я спрашиваю, почему они лезут не в свое дело?! Почему этот твой Амур Александрович...

– Точно, Амур Александрович! – обрадовалась она, услышав правильное имя-отчество своего секретаря.

– Почему он указывает, с кем я должна соединить свою судьбу? Почему он лезет в мою личную жизнь? Да еще напоминает об этом гнусном Власе, который так и зажал свадебное путешествие в Венецию! А я так мир хотела посмотреть!..

– Хочешь посмотреть мир – обними глобус! – сказала бабушка.

– Прекрати! – огрызнулась я. – И запомни, я с ними больше общаться не намерена! Нечего их ко мне подсылать! Тоже мне, придумали способ влезать в чужую жизнь, прикрываясь заботой о репутации самого уважаемого члена партии! – все больше расходилась я.

– Водка белая, но красит нос и чернит репутацию! – выдала коренная москвичка, чем окончательно вывела меня из себя:

– Ты как попугай повторяешь заученные выражения! Я не хочу больше разговаривать!

– Подожди, подожди, Манечка. – Голос снова стал сахарным.

– Ну что?

– Ты должна приехать послезавтра ко мне, – заговорила она требовательным тоном. – То есть не ко мне, а к Зинаиде Петрыжкиной на выборы своей бабушки в лидеры партии. Тригубова скинут, а меня на его место поставят! Да девок всех своих захвати! И эту кликушу-то, как ее... Ну сестру-то свою! Адку!

– Не знаю, не знаю. Как получится, – деловито проговорила я.

– Что значит, как получится?! – возмутилась Мисс Бесконечность. – Твою бабушку в лидеры принимают, а тебе и дела никакого нет?! – Она говорила так, будто вступала в пионеры.

– Ничего обещать не могу.

– А давно эти... Амуры от тебя уехали? – поспешила сменить тему старушка. Я с ужасом посмотрела в окно – темнота беспросветная, потом на часы – полседьмого вечера! Кошмар! Я совершенно потеряла счет времени и теперь катастрофически опаздываю на встречу с содружеством!

– Давно. Все. Я опаздываю!

– Придешь на выборы, Манечка? А? Приходи! – жалостливо ныла старушка на том конце провода.

– Потом, все потом, я опаздываю!

– Нет, сейчас! – настаивала она и вдруг запела голосисто так, ни с того ни с сего:

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
Огонечки теплятся...

– Пока!

– Нет! Обещай! Что я, зря пела, что ли?! – буркнула она и снова спросила: – Придешь с девьками?

– Приду! – взревела я и, бросив трубку, принялась собираться со скоростью света отмечать старый Новый год с подругами.

* * *

В кафе «У дядюшки Ануфрия» царил полумрак, и почти все столики были заняты; молодые официанты в длинных оранжевых фартуках (видимо, студенты на подработке) носились с подносами по залу, перелетая от одного клиента к другому, яко пчелы с цветка на цветок. Я стояла у дверей в полной растерянности и глазами искала подруг.

– Вон свободный столик, около стенки, вон еще один, у двери, – подскочил ко мне подрабатывающий студент.

– Мне не нужен свободный столик, меня тут подруги должны ждать, – рассеянно проговорила я и подумала: «Что, если все они опоздали, а я, как дурочка, сорвалась и прискакала сюда, даже не переодевшись и не причесавшись. Как нацепила на себя что попало с утра, в парикмахерскую, в том и пришла! А их нет! Опять буду среди них как чучело гороховое сидеть! Хорошо, успела с елки мишуру стянуть – на шею повешу». И тут за квадратным столбом я увидела до боли знакомую апельсиновую челку «йоркширской терьерши».

– Вот вы куда забрались! А я уж подумала, что первая пришла! – подлетев к членам содружества, воскликнула я, напрочь забыв о своей внешности.

– Да-а! Ты придешь первая! Как бы не так! – усмехнулась Пулька – она, как всегда, выглядела потрясающе: безукоризненный макияж, золотистые волосы ниспадали на дорогу, изумрудного цвета шелковую блузку, которую мы купили в одном из центральных московских магазинов. Помню, Пульхерия, как увидела ее, прошептала заворуженно:

– Именно этого-то мне не хватало!

– Пуль, а почему тут нигде цены не указаны? – удивлялась я.

– Потому что если хочешь какую-то вещь, неважно, сколько она стоит, – рассудительным тоном выдала она тогда совершенно безрассудную реплику.

– Ну да, неважно! А если у тебя нет таких денег?

– Тогда тебе в этом магазине и делать нечего.

– Ты спроси, спроси, сколько она стоит, – подбивала я.

– Ничего я не буду спрашивать! Сейчас померяю и куплю. – Нечего сказать – блузка сидела на ней великолепно, будто для нее была создана. – Беру! – сказала Пулька и решительно направилась к кассе.

Я была права – эта тряпка стоила один мой гонорар – то есть два месяца упорного труда как минимум (учитывая доплату за дополнительный тираж).

– Маш, мне пяти тысяч не хватает, – смущенно пролепетала она мне на ухо, – у тебя нет?

Я ей тогда добавила пять тысяч, но сделала для себя немаловажный вывод – пожалуй, никому из нашего содружества нечего делать в этом магазине.

...Господи! Я вообще забыла накраситься! Икки, как обычно, одета скромно, но со вкусом, аккуратно причесана. Интересно, что у меня на голове? Я даже в зеркало забыла посмотреть! Адочка с Афродитой по обыкновению в вязаных нарядах одинакового цвета – две снегурочки. Апельсиновую челку «терьерши» стягивал голубой бант, туловище облегалось, как мне показалось, очень тесное шерстяное платьице, отделанное кружевами (или собака за это время успела потолстеть?) и ботики на шнуровке. Сестрица была в перекошенном каком-то самодельном хитоне, вязаных брюках; на столе лежала неизменная сумка-сарделька того же небесного цвета, что и весь ансамбль.

Вообще, кухня моя негласно и незаметно влилась в наше содружество, успешно заменив после Иккиного развода Женю Овечкина, и, кажется, была очень рада тому, что у нее наконец-то не только отыскалась сестра, но и появились подруги. За столом я не увидела Анжелы. Это на нее совсем не похоже – она всю жизнь приходит раньше положенного времени, а потом весь вечер пилит нас за то, что мы безответственные и непунктуальные.

– Здравствуй, сестрица! Сестрица! Моя дорогая сестрица! Ты почему мой шарф не надела? Он тебе не нравится? Не нравится? Да?

– Что ты, Адочка, очень нравится, просто я торопилась. Видишь, опоздала на двадцать минут.

– Машка, а что у тебя на голове?

– Такое впечатление, что ты только что с кровати встала! – засмеялась Пулька и, достав из сумочки зеркало, протянула его мне. Лучше бы я не видела того, что я в нем увидела! Хвост набекрень, вся голова в петухах, бледная физиономия с сонными глазами. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я вытащила серебристую мишуру и обмотала ею голову:

– А у меня Новый год!

– Сними! Не позорься! – посоветовала Пулька, но я и не подумала этого делать – с мишурой на голове в моей душе появилось хоть какое-то ощущение праздника.

– Нет, правда, Мань, откуда ты вылезла? – не удержалась Икки.

– Ниоткуда я не вылезала. Если бы не бабушкин звонок, я вообще могла не прийти. С утра пошла в парикмахерскую, решила подстричься...

– У тебя что, месячные?

– Не надо это афишировать! – вспыхнула я. – Но стричься передумала и пришла домой. И тут ко мне заявился секретарь Мисс Бесконечности с женой и ровно два часа нес полнейшую околесицу. Потом села писать 4-й том «Записок» и совершенно потеряла счет времени. Вот и все.

– Это тот самый, из партии «Золотого песка»? – поинтересовалась Пулька.

– Вот именно. Амур Александрович Рожков. Про вас спрашивал, говорил, что я черню репутацию самого уважаемого члена их партии. Бабушка совсем сдвинулась – послезавтра просит нас всех приехать на ее выборы в лидеры «Вылетающих голубков». Хочет Тригунова, деспота, сместить! И это в 89 лет! Мне бы ее энергию и целеустремленность!

– А что, поедем, поддержим старушку! – предложила Икки.

– Как нечего делать! – легко согласилась Пулька.

– И я с вами, – отозвалась Адочка, ее долго уговаривать не надо.

– А что Анжелки-то нет? – спросила я.

– Сами не знаем. Звоним на сотовый – недоступна. Да придет сейчас, куда она денется!

– Слушайте, а у меня в аптеке черт знает что творится! Я вообще не представляю, что делать!

– Что-то случилось? – осведомилась я.

– Я стою перед выбором, кого оставить: твоего протеже – полоумного Иннокентия или свою помощницу Свету.

– Это ту самую, у которой одна длинная бровь от виска к виску? Ну, полная такая? Да? – уточнила Пулька, расстегивая верхнюю пуговицу дорожной блузки.

– Мы будем чего-нибудь заказывать? – невпопад спросила я – очень есть хотелось.

– Да подожди ты! Анжелка придет – закажем, а то опять весь вечер гундеть будет! – отмахнулась Икки и продолжила историю об Иннокентии – бывшем бабушкином ученике, страдающем вялотекущей шизофренией, которого я сдуру пристроила в проктологическую аптеку клеильщиком коробочек для свечей, сочинив для него историю, что устраивается он конструктором упаковок для микроторпед по точному и мгновенному поражению целей противника на сверхсекретное предприятие. Не скажи я ему этого, Икки с помощницами до сих пор сами клеили бы тару для суппозиторий – вряд ли они нашли кого-нибудь на такую тупую и низкооплачиваемую работу. – Бровь у Светы не одна, а две. Просто сросшиеся на переносице, – заступилась Икки за свою сотрудницу. – И надо же было ей влюбиться в этого болвана – Кешку! Нет, вы представляете, что он сегодня отмочил? Приволок с собой такую же чокнутую тетку, как он сам, – тоже, кажется, бывшую ученицу твоей бабушки, и оповестил весь коллектив, что Светку он бросает и женится на этой дуре – Кате Кучкиной. Светка полдня в туалете просидела – ревет белугой, я стою за дверью, ее успокаиваю, а Иннокентий твой орет, черт картавый, так, что даже в торговом зале слышно: «Катка тепегь мне жена! И габотать тут будет! Могодой семье нужны сгедства!» Эта Кучкина так и просидела рядом с ним до закрытия аптеки, но вместо того, чтобы коробочки клеить, целый день какие-то треугольники Кешке на руках химическим карандашом рисовала – послунявит, послунявит и давай малевать. А взгляд у нее такой... Такой пустой, отсутствующий... Страшно даже! Света из туалета вышла вся в слезах и говорит: «Если он тут останется, я, Икки Робленовна, уж простите, уволюсь по собственному желанию». Я ей: брось, мол, из-за такого осла хорошую работу терять! Недостоин, мол, он тебя, найдешь себе нормального! Она ни в какую. Говорит: «Или он, или я!» Я не знаю, что делать! Если Иннокентия уволю, кто коробочки клеить будет? Ведь никто не пойдет на такую работу, а сами мы не можем – у нас сейчас столько рецептуры, еле успеваем! Увольнять Светку тоже нехорошо как-то – несправедливо, да и привыкла я к ней! И надо было ей в идиота влюбиться! Вроде нормальная девчонка. Голова кругом идет!

– Н-да, у всех любовь рушится, все разводятся да расстаются, – глубокомысленно проговорила я и в этот момент увидела, как не торопясь, твердо ступая по полу своими упрямыми ступнями 42 размера, к нам приближается Огурцова, а за ее мощными ногами прячется Кузя.

– Анжелка! На сорок минут опоздала! Где ж твоя хваленая пунктуальность? – подколола ее Пулька.

– Вот, – Огурцова указала на Кузьму, – сегодня мне разрешили с собственным ребенком увидеться! Сектанты поганые! Логово адвентистов! Мать их... – Судя по всему, Анжелка хотела крепко выругаться, но, взглянув на трехлетнего сына, замолкла на мгновение, плотно сжав губы. – Мать-то их, Степаниды-то с Кузенькой – я, – выкрутилась она. – Кузя, что надо тетям сказать?

– Бабачка! – в восторге закричало неудавшееся дарование и кинулось к Афродите.

– Не трогай Фродю! Не трогай! Это моя собака! Моя! И нечего к ней лезть! Заведи свою и лезь к ней! А к моей нечего! – ревностно заверещала Адочка и изо всех сил прижала к себе «йоркширскую терьершу», что та даже взвизгнула.

– Злая тетка! – заметил Кузя и забрался на стул.

– Есть хочу! Давайте чего-нибудь закажем! И выпить тоже!

– Огурцова, куда тебе пить! Ты за ребенка в ответе!

– Мне его велено завтра к четырнадцати нуль-нуль домой вернуть. После детского утренника, то бишь «елки». Сучки пог... – Анжелу так и распирало выругаться, но она понимала, что это совершенно недопустимо – Кузьму только месяц назад отучили сквернословить, и если «поганые адвентисты» снова услышат из уст ребенка нецензурную брань, то не видать ей соб-

ственного сына, как своих ушей. – Ада, я спросить хотела, Фродя у тебя сучка или кобелек? – снова нашлась Огурцова, а мы с Икки покатывались со смеху.

– Будто ты не знаешь! Не знаешь как будто, что Афродита у меня девочка! Девица она, девица!

– Кузя, сядь и не ерзай на стуле! – И Анжелка по привычке замахнулась, чтоб отвесить Кузьме подзатыльник, но мгновенно отвела руку и, сделав вид, что поправляет прическу, ласково проговорила: – Котенок, сейчас ужин принесут, нужно сидеть ровно-ровно, не то подавишься.

– Я не котенок! – воспротивилось несостоявшееся дарование. – Бауска называет меня зайкой от больших ушей.

– Это какие это у тебя большие уши?! Дура старая! Сектантка мерзопакостная! Мало того, вообще ребенком не занимается – никаких талантов у него не отыскивает, так еще комплекс неполноценности в нем развивает! – Огурцова в конце концов не сдержалась и высказала все, что было на сердце.

– Никакой я не зайка и не котенок!

– А кто же ты? Ну кто? Кто? – прицепилась к нереализованному дарованию Адочка.

– Я – Кузя Поликуткн.

– Ха, Поликуткн, – засмеялись мы, а кузина моя, которая не любит детей, вдруг разрешила Кузе погладить Фродю:

– Только осторожнее, а то она кусается. Кусается она!

В этот момент к нам подошел молодой человек в оранжевом фартуке и спросил, что мы будем заказывать.

– Так, – обстоятельно начала Анжелка, – мне капустки квашеной с солененькими огурчиками, водочки графинчик, картошку... Вот! Пюре с бифштексом, – и, сглотнув слюну, продолжила: – Ему тоже пюре, только с котлетой, и лимонад какой-нибудь. А потом видно будет.

Вслед за Огурцовой мы тоже сделали заказ, после чего Пулька подозрительно спросила:

– А чего это тебя на квашеную капусту с солеными огурчиками потянуло?

– Жизнь пресная.

– Н-да? Ну смотри, – и Пулька перевела тему: – У меня, Икки, на работе похуже, чем у тебя, – пожаловалась она. – Это вообще ад крошечный. Если я раньше туда как на праздник ходила, теперь хожу, как на каторгу. Заведующий нашим отделением Абрам Львович Розеншток, с которым у меня были прекрасные, дружеские отношения, все-таки эмигрировал в конце декабря, а после праздников на его место назначили круглую дуру – Людмилу Васильевну Черепову. Вы бы ее видели! Это умора! У нее голова маленькая такая – младенческая. И как там только мозги помещаются?! И растет... – сказала Пульхерия так, будто страшную историю в полнолуние рассказывала, – вот прямо ощущение такое, что минуту назад и котелка-то у нее не было – только что вырос прямо из плеч, без шеи! Сама как буйвол – центнера два весит, и лысая-прелысая – младенческий такой пушок на башке. И все ее побаиваются. Мне кажется, мои коллеги от ее внешности в ужас приходят. В гинекологии она вообще ничего не смыслит, только по палатам шастает да высматривает, у кого из пациентов на спинке кровати верхняя одежда висит и что в холодильниках лежит. Весь медперсонал загоняла: каждое утро чистоту рук проверяет да манжеты с воротничками на форме. А беременность не может определить на третьем месяце! Я навела справки, оказалось, перевели ее к нам из обычной районной женской консультации по благу. Я все усилия приложу, чтобы ее скинуть с этой должности! – Пулька была рассержена не на шутку, и мы-то знали – если она задумала кого скинуть с должности за незнание дела, обязательно сделает это. Так, в прошлом году она добилась, чтобы Динку, которая, проявив своеволие, неудачно прооперировала девяностолетнюю старушку, уволили по статье.

– Все как-то складывается нехорошо, – сетовала Икки. – Я хотела своим сотрудникам новую форму заказать, чтоб все в одинаковой ходили. Разве наша аптека хуже «Лекаря Атлетова»?! – Икки припомнила ненавистную аптеку, что располагается напротив «Моторкиной и С^о» и где она проработала несколько месяцев и много претерпела от коллег, которые были одеты в форменную одежду из синтетического материала.

– Так что тебе мешает? – удивилась я.

– Как что?! Я не знаю теперь, сколько комплектов заказывать! Я вообще не знаю, кто у меня будет работать! Иннокентий с Катей Кучкиной или Света!

– А ты уже решила, где будешь форму шить?

– Не-а. Я даже не знаю, как она будет выглядеть. Может, брючки с куртками?.. – призадумалась она, а я вдруг, совершенно не подумав, ляпнула:

– Слушай, а закажи Адочке. Она ведь модельер! – Я замолчала, почувствовав, что сказала что-то не то, и в свое оправдание добавила неуверенно: – В душе... – но было уже поздно – моя кузина в неистовом восторге подпрыгнула на стуле и воскликнула:

– Я уже придумала! Придумала! Придумала! Нужно сделать летний и зимний варианты! Зимой иногда отопление отключают, в щели дует! Холодно! Холодно! Надо всем связать полосатые гольфы и такие же полосатые треугольные колпачки с помпонами! Обязательно с помпонами и чтоб уши были закрыты, а то продует. Продует! Потом брючки широкие связать шоколадного цвета и кофточки тоже шоколадные с полосатыми рукавами! Да! С полосатыми! А летний... – Фантазия сестрицы забила ключом; я ощутила на себе укоризненный взгляд заведующей проктологической аптекой – взгляд этот был говорящим. А говорил он следующее: «Корытникова! И что у тебя за манера оказывать медвежьи услуги! То Иннокентия подсунула, от которого теперь не избавиться, теперь модельера в душе, который воспылал одеть весь персонал аптеки в шерстяные (!) брюки шоколадного цвета и полосатые колпаки с помпонами!»

– Нет, нет, нет! У нас помещение теплое, и вообще шерстяная одежда в аптеке запрещена – это негигиенично, – воспротивилась Икки, все еще продолжая недобро смотреть на меня. – Пулька, ну что же ты молчишь?! Скажи, что шерстяная форма в медицинском учреждении недопустима! – в отчаянии призвала она подругу на помощь, прекрасно понимая, что отвязаться от Адочки ей будет не так-то просто.

– Совершенно недопустимо, – категорично отозвалась Пулька.

– Тогда из акрила! Из акрила тогда! – не отступала кузина.

– Давайте обсудим это потом. Это очень сложный вопрос, нужно все продумать как следует, – пошла я на попятную. – Я просто хотела помочь и тебе, Икки, и тебе, Адочка.

– Спасибо, – прошипела Икки.

– Почему же потом, когда можно сейчас?! Все равно сидим, ничего не делаем! Не делаем ведь ничего! – настаивала сестрица.

– Мы отмечаем старый Новый год. Я не понимаю, почему нас не обслужат-то никак! – Я изо всех сил пыталась переключить Адочку на празднование старого Нового года, в то время как она уже изрисовала четыре салфетки с летними и зимними вариантами формы для сотрудников «Моторкиной и С^о».

– Ну ладно. – Она неохотно запихнула изрисованные салфетки в сумку-сардельку и важно проговорила: – Но учти, Икки, это будет эксклюзивная коллекция форменной одежды от Ады Корытниковой, а следовательно, и стоить будет недешево. Да! Эксклюзивная!

– О! Может, мы с тобой в цене не сойдемся, – с надеждой и облегчением сказала Икки.

– Думаю, договоримся. Да, договоримся! Можно будет в кредит приобрести коллекцию, можно выплатить деньги потом, когда появятся. Мы же с тобой подруги! Вы мне тут все друзья! Что ж я, друзьям не помогу, что ли! За кого вы меня принимаете?! За кого?

– А Маня самая класивая! Как снежная королева! – вдруг заявил Кузя, глядя на серебристую мишуру на моей голове – видимо, ему надоело слушать о шерстяных и акриловых униформах.

– Какая она тебе Маня?! – прокричала Огурцова и снова хотела было отвесить несостоявшемуся дарованию подзатыльник, но вовремя остановилась и опять сделала вид, что поправляет прическу. – Она для тебя, Кузенька, – с наигранной назидательностью молвила родительница, – тетя Маша. Тетя! А самая красивая для тебя должна быть мама – и больше никто. Понял, ирод? – Анжелке не хватило самообладания.

– А вот эта слишком худая! Отчего она такая худая? – И Кузьма ткнул в воздух указательным пальчиком в Адочкином направлении.

– Она не худая, а стройная, – поправила я его.

– Смотри-ка, три года, а он уже на девок засматривается! – рассмеялась Пулька.

– Все они кровопийцы, вампиры, изменщики и подонки! Да! Они уже из утробы вылезают хамами и бабниками! – возмущалась моя сестрица.

– Ада, прекрати при ребенке такие вещи говорить! – возмутилась Икки.

– А что, что я такого сказала?! Он уже разглядывает в три года, кто толстый, а кто худой! В три года! – негодовала Адочка.

– А мама толстая! – не успокаивался Кузя. И тут Анжелка отвела душу – она все-таки отвесила ему крепкий подзатыльник и заорала на весь зал:

– Да что ж это такое! Эти сволочи-адвентисты мало того, что моего отца из семьи увели, еще и ребят против меня настраивают! Им это просто так не пройдет! Я буду действовать через суд и заберу детей к себе! И ты у меня тогда получишь, гад! Будешь с утра до вечера на горохе стоять!

В ответ Кузьма показал матери язык и отвернулся, а Огурцова изловчилась, протянула руку и треснула ему по губам.

– Плохая! – крикнул отважный мальчик ей в лицо. – И на елку с тобой завтла не пойду! Сама иди!

Анжела побагровела, и неизвестно, что бы она еще сделала, если бы к «Поликуткным» не подлетел официант с подносом и огненной шевелюрой под цвет длинному фартуку и не выставил бы на стол графин с водкой для мамыши, кувшин с компотом для Кузи, закуску из соленых огурцов и квашеной капусты, из которой торчали дольки моченых яблок, обильно сдобренных укропом. Анжелка тут же опрокинула рюмку и, захрустев огурцом, проговорила:

– Совсем матери нервы поднял!

– Какой милый юноша! – воскликнула Икки, очарованно глядя на огненного официанта. – И давно вы тут работаете?

– Я подрабатываю вечерами, а утром учусь на юридическом. Обучение платное, нужны деньги...

– Да, да, да, да, – с пониманием откликнулась Икки, глядя ему в глаза, и тут же спросила:

– А что такой симпатичный мальчик делает по ночам?

– Икки! – прикрикнула на нее Пулька.

– Что? – легкомысленно отозвалась та и добавила: – Может, я ему чем-то могу помочь! Я все-таки заведу единственной проктологической аптекой в Москве!

– Молодой человек, обслужите нас поскорее, мы уже час ждем, – потребовала Пульхерия и, когда официант-огонь убежал на кухню с подносом, накинулась на Икки: – Ты совсем, что ли, ополоумела? Опять за свое? Не прошло и двух месяцев после развода, как ты к первому попавшемуся клеишься! Неужели не понятно, что все мужики – сволочи?! Или тебе мало было драгоценного Игорька, с которым ты промучилась восемь лет, зная, что он изменяет тебе со своими студентками?! Мало дурака Овечкина, который то в бабу решит переделаться, то на Марс слетать? Мне надоело лечить твои кандидозы после сантехников и случайных знакомых!

– Не лечи, обращусь к другому врачу, благо в Москве не одна ты – гинеколог, – надулась Икки.

– Все они изверги, вампиры и кровопийцы! Никого не хочу! Никого! – высказалась Адочка.

– Это точно! Мужик – он что геморрой – одно и то же. Живешь с ним – вроде ничего не беспокоит, все вроде нормально, а то ни с того ни с сего – на пустом месте – зуд, раздражение, слезы, боль, – многозначительно проговорила Огурцова, смешав симптомы варикозного расширения вен нижнего отдела прямой кишки с семейной жизнью.

– Надо же! Откуда такие познания?! – колко спросила Икки, которая, будучи заведующей единственной проктологической аптекой в Москве, знала о геморрое все.

– Тоже читаем! – не менее колко ответила Анжелка и, осушив еще рюмку, прикрикнула на Кузю: – Прекрати хватать огурцы руками! Вилка рядом! Это ужас какой-то! Они воспитают мне неандертальца!

Юноша-огонь снова прилетел с подносом и заставил почти весь стол салатами, дымящейся картошкой с бифштексами, графинчиками с водкой и бутылками шампанского.

– Вот, возьми на чай. – Икки не унималась и протянула официанту купюру, завернутую в салфетку, на которой что-то написала, попросив у Адочки ручку.

– Премного благодарен, премного благодарен, – смущенно пробормотал тот и снова метнулся на кухню.

– Что ты там нацарапала? – грозно спросила Пулька.

– Если его как-нибудь замучает бессонница, пусть звонит мне. У меня есть от этого недуга подходящие свечи, – съязвила Икки.

– Нет, это кошмар какой-то! – в сердцах воскликнула Пулька. – Ты соображаешь, что делаешь?

– Отстань!

– А сколько ты ему денег дала?

– Как раз хватит на резиновое изделие № 2!

– А что такое изделие № 2? Что? А? Что это? – оживилась Адочка, мучая дольку лимона – больше она ничего себе не заказала.

– Ха! Что это! Презервативы – вот что это такое! – усмехнулась Пульхерия.

– А разве не изделие № 1? – удивилась я.

– Нет, изделием № 1 считается противогазная маска. – ответила Пулька. – Это уже нумерация изменилась. Очень уж нужное это изделие. Я про презерватив. Вот в народном сознании его номер и переехал со второго на первый.

– А тогда что значится под третьим, четвертым номерами? – спросила моя сестрица.

– Ты, Адочка, странная какая-то! Грелки, клизмы, груши и т.д. – ответила Пуля.

– Пзетевативы! Пзетевативы! – Кузенька от души радовался новому слову.

– Я т-те дам пзетевативы! Сядь прямо и прекрати цапать руками котлету!

– Пуль, а тебе Серапионович не звонит? – спросила Икки.

– Ты что, издеваешься, что ли?!

– А чего я такого спросила-то? Вот мне Овечкин не звонит, может, умер уже, – предположила Икки и, тяжело вздохнув, задала мне тот же вопрос касательно Власа.

– Нет, Иккусик, как в воду канул.

– Вы еще скажите, что очень по ним соскучились! – расходилась Пульхерия.

– Нет, я по Власу не соскучилась. Век бы его не видеть! Просто интересно, может, они и вправду померли с тоски, не пережили развода.

– Вот именно, нам просто интересно.

– А я хмыря своего... Я имею в виду отца этого ирода, – и Огурцова указала на Кузю, – ни разу после развода не видела. Когда к детям прихожу, он якобы на работе задерживается. Прячется! Думает, нужен он мне! Вот даже если б приплатили, в жизни с ним не сошлась бы!

– А что, если зимний вариант формы сшить из фланельки? Зимний вариант? Зимний, я говорю! Из фланельки! Разрезать ее сначала на кусочки, а потом крючком эти кусочки связать! Соединить эти кусочки крючком! Очень красиво! Очень! И тепло. Дуть не будет. Я говорю, дуть не будет! – Адочка пыталась доказать, как эффектно будет смотреться форма из фланельки на сотрудниках аптеки «Моторкина и С^о», но ее никто не слушал, только Икки закатывала глаза и метала в меня убийственные взгляды.

– Нет, вы только посмотрите, он и картошку руками жрет! Ужас! – Огурцова чуть было в обморок не упала, когда увидела, как Кузя пытается снизу подцепить пюре пальцами. – Нет, я завтра его не только ни на какую елку не поведу, я его и к адвентистам не повезу! Весь день будешь в углу стоять! Понял?

– Пезеватив ты! – беззаботно крикнул малыш и незамедлительно получил по губам.

– А можно из трикотажа! Из трикотажного материала зимний вариант сшить!

– Нет, все-таки Черепову я скину!

– И что мне делать с этим любовным треугольником идиотов? Кого увольнять-то?

– Ну кто там мне на ноги наступает?!

– Гав! Гав! Ав-ва-ва-вав! Гав!

«Трррррррр», «Трррррррр», «Тар-лям-пар-ля-ля-ля-ля-лям, тар-лям...» – задрезбезжал мой сотовый.

– Да! Але! – крикнула я.

– Ма-а-чка! Здра-ийи-вуй! Эт я, ма-а!

– Мамочка, здравствуй! Как ты там?

– Гов-й-ри гром... плох... слы-уо!

– Как ты там? – заорала я на все кафе, придя в состояние крайнего ликования и радости – это был первый звонок моей родительницы после того, как она проехала станцию Чашки на электричке и унюхала совсем другой воздух – не загазованный, как в Москве, а чистый и свежий.

– Я звоню тебе с самого высокого дерева в огороде! Забралась на яблоню – ту, что побольше! – отчетливо услышала я и тотчас представила себе, как мамаша приволокла стремянку к одной из двух уцелевших (после добычи Эльвирой Ананьевной на нашем огороде биотоплива) яблонь, поднялась сначала по ступенькам, потом вскарабкалась на могучие ветки и теперь сидит там, яко павиан. – Алшан есв икат отсем! Алшан!

– Мама! Ты что ругаешься? – вопила я, не понимая ровным счетом ничего из того, что говорила моя родительница, но слышала при этом ее очень хорошо.

– Аквал абыр тупак! Аквал абыр тупак! – напоследок выкрикнула она и отсоединилась. Страшные догадки закружились в моей голове: «Что, если любезная моя мамочка упала с ветки? Или сошла с ума? Или разговаривать разучилась вдали от цивилизации в обществе бессловесного кота Рыжика?!»

– Что случилось? – хором спросили меня члены содружества, а в глазах их я увидела страх, тревогу и недоумение.

– Мама звонила. С дерева. Но я ничего не поняла. Ничего! – отчаянно воскликнула я и собралась было уже плакать.

– Подожди, подожди, ты ведь как-то поняла, что она тебе с дерева звонит? – Икки произнесла эти слова таким тоном, будто еще не все потеряно.

– Это единственная фраза, которую я разобрала! А остальные... Мне вообще кажется, что мама с ума там сошла! – И я захлопала.

– Вспомни, какие звуки до тебя донеслись, и прекрати реветь! – приказала Пулька.

- Алшан есв икат отсем! Алшан! Аквал абыр тупак! Аквал абыр тупак! – выпалила я.
- Точно? – с ноткой сомнения переспросила Икки.
- Точно. Это хорошо было слышно, – все еще всхлипывая, пролепетала я.
- И что это может означать? – тупо глядя на меня, спросила Анжела.
- Откуда я знаю!
- Нужно подумать.
- А может, твоя мама связалась с каким-нибудь восточным мужчинкой и разучилась по-русски говорить?.. – предположила Икки.
- Это ты от своего Овечкина понабралась – всякую чепуху молоть! – рассердилась Пульхерия.
- Можно форму, кстати, из гобелена сшить. Из гобелена! Зимнюю-то форму!
- Давайте на салфетке эти слова напишем, а то забудем, – предложила Пуля.
- Я писить хочу, – заныл Кузя.
- Да подожди ты! – отмахнулась Огурцова, словно говоря: «Тут дела поважнее!»
- Абыр, абыр... Что-то знакомое, – силилась разгадать тайну маминых слов Икки. – Это точно, девочки, какой-то восточный язык! – наконец вывела она.
- Да кто ж у меня по ногам-то ползает?! – воскликнула Пулька и посмотрела сначала на Кузю, потом на Афродиту.
- А можно сшить костюмчики из вискозно-шерстяной ткани! 50 на 50! Из вискозно-шерстяной, говорю!
- Адочка, такое впечатление, что тебе наплевать на собственную тетю! – вспылила я.
- Почему? Что случилось-то? Что? Пожар? Потоп? Я не понимаю ничего! Я-то тут при чем? Весь вечер голову ломаю, из чего им форму шить, а они меня еще и обвиняют! Хорошенькое дельце! Нет, ну надо же! Хорошенькое дельце!
- У твоей сестры мать с ума сошла, какой-то чепухи ей по телефону наговорила, мы все сидим, гадаем, что бы это могло значить, а она, видите ли, голову ломает, из чего ей форму шить! Потрясающе! Времени больше не будет! – взорвалась Пуля.
- А что она такое сказала-то? Что? Что такое можно сказать, что нельзя понять?! – вопрошала Адочка на весь зал.
- Вот что! – И Пульхерия сунула ей под нос салфетку с загадочным текстом.
- Господи! Да что тут непонятного?! Что? По-моему все понятно! Читаю для дураков! – И Адочка без запинки прочла то, что не вылетело из моей головы и было воспроизведено на салфетке: – **Нашла все-таки место! Нашла! Лавка рыба капут! Лавка рыба капут!** И чего тут непонятного? – Кузина уставилась на меня своими огромными, чуть выпуклыми глазами.
- Потрясающе! – после минутного молчания восторженно воскликнула Икки. – Абыр... Что-то знакомое! Абыр-валг! Это ж Главрыба! Как же я сама-то не догадалась! – И она с силой ударила себя кулаком по лбу.
- Тетька сама себя бьет! – заметил Кузя.
- Как гоголевская унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла, – подметила я.
- Ой! Только не надо о Гоголе! – взмолилась Пульхерия.
- У тебя мамаша в Шарикова превращается! – Икки не могла сдерживать смеха. – Она палиндромами изъясняется. Теперь-то ты поняла, что она сказала: нашла, мол, место, где есть телефонная связь (а именно на дереве) и что рыбной лавке Эльвиры Ананьевны пришел капут, иначе говоря, конец – или проворовались, или еще что-нибудь, но одно ясно – закрылись они. Адочка, а как это ты с ходу так прочитала?
- Я всегда, когда в метро еду, названия станций задом наперед читаю от нечего делать. Всегда задом наперед! Всегда! Тропорэа, Оверибиб, ХеНДеВ, Овохеро, – кузина демонстрировала свои способности.

– Переведи, – приоткрыв рот, попросила Икки.

– Орехово, ВеДэНХ, Бибирево... – и не успела сестрица перевернуть Тропорэа, как вдруг...

...В это самое мгновение произошло нечто невообразимое. Огурцова громко загоготала. На мою ногу под столом кто-то или наступил, или прополз по ней – непонятно, ясно лишь одно – этот кто-то был очень тяжелый. Скатерть возле меня зашевелилась, приподнялась... Я наклонилась и увидела очень знакомое лицо в платке. Когда же скатерть съехала с головы и я узрела, понятное дело, лицо без платка, то в ужасе отшатнулась и громко ахнула: у моего колена на корточках сидел Амур Александрович Рожков и смотрел на меня победоносным взором – мол, и тут я тебя достал!

Буквально каких-то пару секунд спустя гомерический гогот Огурцовой, что восседала по другую сторону от бабушкиного секретаря, перерос в нечто большее – ее начало нещадно рвать, и на лысину Рожкова, словно вулканическая лава, изверглись картофельное пюре вперемешку с полупереработанными солеными огурцами, квашеной капустой, бифштексом и мочеными яблоками. Вдобавок масса на голове секретаря сильно отдавала спиртом, а на длинных коровьих ресницах его повисли иголки укропа.

Все с изумлением склонились над ним. Сам же Амур Александрович некоторое время никак не мог понять, что стряслось. Он указательным пальцем подцепил с лысины кусочек то ли моченого яблока, то ли капусты, посмотрела на него и, отбросив, закричал:

– Что это? Что это было? Что за безобразие! – Душ включился на полную мощность. – Да как вы себе такое позволяете?!

– А нечего за мной следить да под столами прятаться! – нашлась я.

– Я не знаю, как это произошло! Ну правда! Как-то само собой – неожиданно. Я бы и до туалета не добежала, – оправдывалась Анжелка.

– Амур Александрович, немедленно ступайте в уборную, отмойтесь там, – приказала я.

– Нет! Как это вообще возможно?! – возмущался он.

– Ступайте, ступайте – от вас дурно пахнет, – убеждала я его.

– Я пойду. Пойду! – душещипательно воскликнул он. – Но я вернусь! И тогда-то мы разберемся! Разберемся во всем! Только посмейте улизнуть, пока я буду отсутствовать!

– Ну что вы, как можно! Мы обязательно вас дождемся! – заверила я бабушкиного секретаря, и он отправился в мужскую комнату. – Девочки, сматываемся! Пулька, ты с нами?

– Нет, я в больницу – мне сегодня Черепова дежурство подсуропила.

– Юноша, юноша! – что было мочи закричала Икки. – Юрист! Немедленно рассчитайте нас, а то будет скандал. Давай, давай! – Она, не считая, выложила на стол деньги. – Сдачи не надо, оставь себе на обучение.

– Спасибо. Огромное! Я позвоню вам, – пообещал рыжий официант в оранжевом длинном фартуке.

– Но мне надо рот пополоскать! – капризно проговорила Огурцова.

– А я писать хочу! – настаивал Кузя.

– Успехов вам! Можете сходить в мужской туалет, помочь Рожкову отмыться! – съехидничала я.

– На улице справите все свои нужды, – деловито проговорила Икки.

– Правильно! Фроденька всегда свои нужды на улице справляет – не несет в дом дерьмо! Не несет! И что за манера у людей – высморкаться и потом повсюду у себя в кармане носовой платок таскать, будто бы это драгоценность какая! Будто драгоценность! – с мудростью Монтеня заметила Адочка, надевая пальто, связанное из толстенных ниток, с крашеным фиолетовым из воротником меха неведомого зверя.

Пока моя кухня перефразировала «последнего гуманиста» Франции, Огурцова, достав из сумки огромный пакет, принялась сметать в него все, что осталось на столе.

– Ты что делаешь? – поразилась Икки.

– Продукты забираю! За все уплочено! Негоже, чтоб харчи пропадали, – тоном экономной хозяйки проговорила Анжела, заворачивая в салфетку недоеденную Кузей котлету.

– Тарелки хоть оставь! – с сарказмом порекомендовала Пулька.

– А я шампанское возьму! – И Икки, схватив бутылку, спрятала ее за пазуху.

– И я тоже! – Мне стыдно, но я поддаюсь стадному чувству.

– Ну, пойдемте быстрее! Фроденьке давно спать пора! – поторапливала нас Адочка, с отвращением глядя на нетронутую лимонную дольку.

– Анжела! – окликнула подругу Пулька уже на улице. – Приезжай-ка на этой неделе ко мне в больницу! Не нравится мне что-то это твое пристрастие к соленым огурцам и неконтролируемые приступы рвоты.

– Чего-чего? – прищурилась та.

– В больницу приезжай, УЗИ хоть сделаем. Это я тебе как врач говорю!

– Ерунда какая! – отмахнулась Анжелка и, схватив Кузю за руку, поволокла его к метро. – Пока, завтра позвоню! – крикнула она издалека.

Пулька поехала своим ходом в больницу (сегодня она была не на «колесах», зная, что может хватить лишнего), Адочка с Фродей тоже спустились в метро, а мы с Икки прыгнули в троллейбус и поехали домой.

* * *

– Вот зачем, зачем ты мне эту Адочку навязала?! – набросилась на меня Икки, сильно ударив ладонью по компостеру. – Теперь она не отстанет. А что она может сшить? Ничего хорошего! Навяжет каких-нибудь дурацких балдахинов в дырку, и еще деньги ей плати за это! Эксклюзив, видите ли!

– Зато ничего похожего ты ни в одной аптеке не сыщешь. Форма будет лицом «Моторкиной и С^о», – мне больше нечего было сказать.

– Уж это точно! То, что создаст Адочка, не только ни в одной аптеке не найти, вообще нигде не откопать! Разве что в дурдоме. Это ж надо придумать – полосатые гольфы и треугольные колпаки с помпонами! Наша организация превратится в филиал Ганушкина.

– Ты неправа. Я уверена – вы с Адочкой найдете компромисс. Она не до такой степени чудачка, чтобы не понять, что от нее требуется. И вообще, во всем есть свои плюсы и минусы! Но если ты такая упертая, можешь поехать в магазин спецодежды и купить там для всех своих сотрудников точно такую же синтетическую форму, какую носят твои коллеги-фармацевты из «Лекаря Атлетова», которая впитывает все запахи и не выветривается даже после стирки! – вспылила я – мне стало обидно за Адочку, видимо, родная кровь давала о себе знать. – Очень оригинально! – добавила я и плюхнулась на свободное место у окна.

– Может, ты и права, – призадумалась Икки, – и даже если Адочка понавяжет полосатых колпаков – это будет, во всяком случае, нестандартно и своеобразно. Ладно, закажу ей форму. Правда: во всем есть свои плюсы и минусы. Хоть Иннокентий и приволок сегодня эту Катю Кучкину, зато у нас есть кому коробочки клеить. Наверное, придется все-таки его оставить. Только вот что с его новой пассией делать, не знаю – боюсь, она ему работать будет мешать. Маш, ну чего ты такая кислая сидишь? Ты обиделась на меня?

– Нет! Ты ведь знаешь, я никогда не обижаюсь! Обижаться глупо. Так не приобретешь никакого жизненного опыта. Нужно просто делать выводы из складывающихся ситуаций и поступков окружающих.

– И какой же ты сделала вывод?

– Надо сначала хорошенько мозгами пошевелить, а потом рот раскрывать. Я стала слишком часто брякать что попало. Но не о том я сейчас думаю. Нехорошо как-то в кафе получилось с Амур Санычем. Помимо того, что Анжелка испачкала его...

– Ха! Испачкала! Это мягко сказано! – И Икки затряслась от смеха.

– Еще и убежали, точно школьники. Я представляю, как он сейчас из туалета вышел, к нашему столику направляется – ему так много нужно сказать нам, столько в душе накопилось, пока он голову отмывал в раковине...

– Перестань! – хохоча, пискнула подруга.

– Приходит, а там никого. Надо было мне остаться, поговорить с ним. Икки, прекрати ржать. Мне его жалко!

– А как он вообще-то в этом кафе оказался, да еще под нашим столом?

– Я сама ему сказала. Он, когда утром у меня был, привязался: «Что вы делаете сегодня вечером? Куда идете? В котором часу?» И я поняла, что, пока не отвечу на все его вопросы, он со своей Глорией Евгеньевной не уйдет. Ну и выдала все как на духу.

– Нечего лезть не в свое дело! За что боролся, на то и напоролся!

– Слушай, а пошли ко мне, старый Новый год отметим, шампанское у нас есть, а то все как-то комом получилось – мы даже и за праздник не выпили, – предложила я.

– Пойдем! – радостно согласилась Икки, и мы, купив по дороге ананас в ночном магазине, завалились ко мне домой.

Мы с Икки сели прямо на пол около елки (как в детстве, бывало, любили сидеть) и, поставив перед собой две бутылки шампанского, фужеры, ананас на тарелке, ни с того ни с сего рассмеялись.

– А Пулька все-таки злая! – вывела Икки после первого бокала.

– С чего это ты взяла?

– А какое ей дело до того, кому я телефоны даю? Кому хочу, тому и даю!

– Не злая она! Просто беспокоится за тебя.

– Тоже мне – мамочка нашлась! Кстати, о мамочках. Моя неделю назад втерлась в доверие к Векововскому и теперь торчит у него в павильоне до полуночи.

– Кто такой Векововский?

– Ты что, телевизор не смотришь? Он каждую среду ведет передачу «Прожить не век, а два» о том, как можно прожить двести лет, если следовать его советам и вести здоровый образ жизни. Старик такой глубокий, с длиннющей седой бородой, но глаза молодые-молодые, а щеки розовые. Уверяет, что ему уже 110 лет стукнуло, а он еще мужчина в полном соку. Ты понимаешь, о чем я.

– Ну, щеки ему красят, в глаза для блеска что-нибудь закапывают, а в соку он или нет – бездоказательное заявление. Фамилия тоже не его – как пить дать псевдоним для передачи, да и насчет возраста, наверное, приврал. А что за советы-то?

– Всякие обливания ледяной водой, зимние салаты из одуванчиков...

– Какие одуванчики зимой? – удивилась я, терзая ананас.

– Как какие? В мае нужно их собрать, засушить, а зимой размачиваешь и салат делаешь. – Мне вдруг вспомнился фирменный салат «Уходящая осень», что я приготовила из яблок, крабовых палочек и, приправив подсолнечным маслом с мускатным орехом, украсила листьями татарского клена, ветки которого упираются в мое окно. В доме тогда ничего не было, кроме яблок и палочек, я сгорала от любви к Кронскому, голодала, а он вдруг позвонил и попросился в гости. Нужно было чем-то угощать «лучшего человека нашего времени» – великого сочинителя детективов, и я сама выдумала рецепт. – Где ты витаешь?

– Да так, пустое, – очнулась я. – А что мамаша-то твоя у него делает?

– Предлагает из его программы ток-шоу сделать. Чтоб зал был, и народ сидел, и все делились своими секретами молодости и долголетия. Но мне кажется, это всего лишь прикрытие. Она просто, как Пулька сегодня выразилась, клеится к нему!

– Так ему же 110 лет! – поразила я.

– Ну и что. Он ведь говорит, что в полном соку! А по мне было бы лучше, если б родители помирились. Тогда бы я снова переехала в отцовскую квартиру и жила одна... – мечтательно проговорила Икки и спросила вдруг: – Маш, а скажи честно, ты по Власу не скучаешь?

– Не-ет, – протянула я.

– И тебя не задевает, что он ни разу не позвонил?

– Об этом я думала и поняла, почему. Он меня боится. Ну не в том смысле, что боится. – После третьего фужера я начала путаться в фобиях Власа.

– Ничего не поняла.

– Как тебе объяснить? Если честно, то он первым хотел предложить мне развод. Я почувствовала, что он собирается это сделать, и заткнула уши, а когда увидела, что он замолчал, успела быстрее это сказать. Он все время боялся, что я изменю ему. Эта постоянная ревность... Мне даже кажется, что он подсознательно хотел, чтобы я ему изменила. Короче, мазохист. Что о нем говорить! К тому же я не успела привыкнуть к нему за период нашего короткого брака – виделись мы с ним мало: всю первую медовую неделю он искал утерянную при транспортировке машину из автосалона своего компаньона Ильи Андреевича, потом я уехала в деревню, сторожить дом от налетов отчима с Эльвирой Ананьевной за биотопливом. Вот до сих пор не могу понять, отчего Влас с таким подбострастием относится к Илье Андреевичу, причем это не подхалимаж, а искреннее чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.